

*Взращенные
с любовью*

Классический
подход
к воспитанию
талантов

Синити Судзуки

СЛОВА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Выражаю глубочайшую благодарность госпоже Масако Кобаяси за работу над японским, а госпоже Гайвер Бриттон — над английским текстом рукописи.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Талант — это не случайность, данная при рождении.

В современном обществе очень многие полагают, что если человеку при рождении не досталось таланта, то с этим ничего не поделать. Эти люди просто сдаются на милость судьбы. Соответственно и живут они неполной жизнью, не познав ее подлинной радости. И это величайшая трагедия человечества.

Мы рождаемся с природной способностью учиться. Новорожденный ребенок приспосабливается к окружению, чтобы выжить, и со временем приобретает множество способностей. Мой тридцатилетний опыт основательно меня в этом убедил. Многие дети вырастают в обстановке, которая не позволяет развиваться талантам. При этом окружающие думают, что такова уж судьба, но они ошибаются.

Взрослый человек, который ни к чему не стремится и ничего не хочет от жизни, просто неправильно воспитан. То же самое относится

и к человеку, неспособному на великие дела. Я думаю, что многие читатели согласятся со мной. Разумеется, мы не можем отрицать влияние судьбы. Мы родились в этом мире, и с этим ничего не поделаешь. Точно так же мы не можем знать, когда покинем этот свет.

Однако, раз уж мы родились, то придется жить до своего последнего часа. При этом возникает неизбежный вопрос: как жить? Если наши способности не были развиты должным образом, то надо развивать их самому. Вместо того чтобы ссылаться на невезение, надо самим что-то предпринимать. Нельзя опускать руки. Каждый человек может добиться большего.

Именно поэтому я и написал эту книгу.

В ней я рассказываю о том, как развить способности личности, каким образом посредственный ребенок может превратиться в заслуживающее уважения человеческое существо и прекрасного музыканта. Пользуясь примерами, я разъясняю, как превратить человека с ограниченными способностями в талантливого, заурядную личность — в выдающуюся. В моей книге каждый человек может найти ответ на вопрос, как изменить себя. Рассказывая о теории, я все же делаю основной упор на практику своего преподавания игры на скрипке по методике воспитания талантов.

На каждом живом дереве появляются почки и чудесные цветы. Так определено природой. Я считаю, что каждый человек должен следовать этим законам природы и приносить плоды.

Чего ищет человек в жизни? Любви, истины, достоинства и красоты. Это касается и вас, и меня, и каждого. Если эта книга хоть немного поможет вам, мне трудно будет найти слова, чтобы выразить свою радость.

Синити Судзуки

ВВЕДЕНИЕ

Все японские дети говорят по-японски

Вы не поверите: все японские дети знают японский язык! Эта мысль однажды поразила меня до глубины души. И действительно, все дети в мире свободно говорят на своих родных языках. Любой японский ребенок без всякого труда говорит по-японски. Разве это не свидетельствует о его удивительном таланте? Как, каким образом это получается? Мне едва удалось сдержать свою радость, когда я дошел до этой мысли.

Дети в Осаке говорят на трудном осакском диалекте. Как бы мы ни старались, нам вряд ли удастся подражать диалекту Тохоку, но дети, родившиеся в этой местности, легко с ним справляются. Разве это не чудо? Однако ни один человек из тех, с кем я разговаривал на эту тему, нисколько не удивился. Это считается как бы само собой разумеющимся. Люди обычно думают, что эта способность у детей врожденная. К моему удивлению, половина моих слушателей не находила^в этом ничего особенного, а остальные попро-

сту считали меня ненормальным. Однако мое открытие имело очень большое значение. Я понял, что любой ребенок может проявить необычайные способности, если применить правильную методику его обучения. Все это произошло около тридцати лет назад, когда мне было тридцать три или тридцать четыре года. Попытки как-то объяснить поразившую меня мысль вскоре стали основной целью моей жизни.

Где-то приблизительно в 1931 или 1932 году, когда я был преподавателем по классу скрипки в Императорской консерватории, ко мне пришел один человек со своим четырехлетним сыном. Сейчас этот мальчик — всемирно известный музыкант Тосия Ето.

Как я дошел до этого?

Знакомый попросил меня научить сына играть на скрипке. В то время я еще не знал, как и чему учить таких маленьких детей. У меня просто не было опыта. Какая методика обучения нужна четырехлетнему ребенку? Я думал об этом с утра до вечера.

Ответ пришел сам собой, когда я сделал свое открытие.

В то время я вместе с тремя своими братьями организовал квартет Судзуки. Однажды, когда мы репетировали дома у младшего брата, до меня

вдруг дошло: все японские дети говорят по-японски! Это была словно вспышка молнии посреди ночи. Раз они все так легко и свободно говорят по-японски, то в этом есть какой-то секрет, и он заключается в тренировке. Конечно, все дети в мире учатся на самом совершенном примере — языке матери. Но почему бы не применить этот метод и к другим областям знаний? Я понял, что сделал грандиозное открытие. Если ребенок не знает арифметики, это еще не говорит о том, что у него интеллект ниже среднего. Ведь он же прекрасно разговаривает на таком сложном японском языке — или любом другом, который является для него родным. Разве это не должно заставить задуматься? На мой взгляд, если ребенок не знает арифметики, то это свидетельствует не об уровне его интеллекта, а о том, что в системе образования что-то не в порядке. Просто его способности или талант не сумели как следует раскрыть. Удивительно, что никто не додумался до этого раньше, хотя ситуация была совершенно очевидной на протяжении всей истории человечества.

Весь секрет в тренировке способностей

1. Если бы в школах применялась методика, схожая с обучением родному языку, то мы добились бы превосходных результатов. Например, часто приходится слышать: «Этот ребенок не

блещет способностями, у него от рождения низкий уровень интеллекта». Но как же тогда соотнести это высказывание с блестящими способностями ребенка в освоении японского языка? Может быть, лучше поискать более подходящий метод обучения? Более того, уровень интеллекта детей впервые оценивается в возрасте пяти-шести лет, и никто не интересуется, что же было до этого. Какое образование получил ребенок в своем самом раннем детстве?

2. Все дети, если их как следует учить, могут достигнуть высокого образовательного уровня, но такое обучение должно начинаться с первого же дня после рождения. На мой взгляд, именно здесь заложен ключ к дальнейшему развитию человеческого потенциала и способностей.

Когда меня попросили научить четырехлетнего Тосию играть на скрипке, я задумался: каким образом это сделать? В конце концов я понял, что метод, с помощью которого ребенок осваивает родной язык, содержит в себе все необходимое для этого. И вот уже в течение тридцати лет я пытаюсь убедить людей, что научить можно буквально всех детей и что нельзя отмахиваться от тех, кто отстает в учебе. Я назвал свой метод «воспитанием талантов» и возглавил

движение за право каждого ребенка на достойное образование. День, в который я сделал свое удивительное открытие, стал началом моих поисков человеческих способностей. Каких успехов я добился за это время? Я расскажу вам об этом, оглядываясь назад и с надеждой смотря в будущее.

ВЗРАЩЕННЫЕ С ЛЮБОВЬЮ

Заронить семя способностей

Для того чтобы семя проросло, нужны время и условия...

В токийском отделении нашей музыкальной школы Синагава, которое возглавлял господин Миядзава, жил небольшой попугай, любимец всех детей, приходивших сюда учиться играть на скрипке. Когда супруги Миядзава купили эту птицу, они научили ее говорить по-японски: «Я Пико Миядзава, я Пико Миядзава». Позднее попугай кричал при встрече детям своим высоким голосом: «Пико — хорошая птичка, Пико — хорошая птичка». Как рассказывал Миядзава, птицу надо учить говорить в самом раннем возрасте. Для этого поначалу требуется большое упорство, энергия и терпение. Чтобы попугай заговорил, ему надо постоянно повторять одно и то же слово. И в тот момент, когда вы уже пришли к выводу, что все бесполезно, когда вас охватывает отчаяние и вы готовы сдаться, вдруг приходит успех.

Сначала попугаю повторяли его имя по пятьдесят раз в день. Таким образом, за два месяца получилось три тысячи повторений. В конце концов птица произнесла слово «Пико». Если бы не эта настойчивость, у попугая никогда не удалось бы обнаружить ни «таланта», ни «способностей». Результат может «созреть» только при ежедневной настойчивой тренировке. Роль стимуляторов играют подготовка, время и окружающая обстановка. Мы не можем увидеть семя, посаженное в землю, но мы знаем, что на него ежедневно воздействуют влага, температура и освещение. Постепенно в семени происходят незаметные для глаза изменения, и в один прекрасный день появляется росток. Не правда ли, ситуации очень похожи?

Терпение и повторение

Как только росток пробился, он начинает расти все быстрее и быстрее. После трех тысяч повторений, которые понадобились, чтобы попугай сказал: «Пико», его стали учить новому слову — «Миядзава». Теперь потребовалось всего двести раз повторить «Пико Миядзава», прежде чем попугай смог это произнести.

Вне всякого сомнения, точно так же дело обстоит и с людьми. Чему бы мы ни учились, дело поначалу идет медленно, пока не проклюнется

первый росток успеха. На это требуется немало времени, но способности постепенно развиваются. Разве не так? Стоит только подумать, что надежды никакой нет, и опустить руки из-за отсутствия видимых результатов, и тут же все труды идут насмарку. Поэтому все дело в терпении и неустанном повторении. Если нам удалось этого добиться, мы увидим, что на базе одних умений быстро развиваются новые.

Немного позже Пико сам освоил еще несколько слов. Как только дети в студии начинали петь песенку «Свети, свети, звездочка», Пико подпевал им своим тонким голоском. Это последний раз доказывает, что одна способность порождает другую и что проросший побег со временем растет все быстрее. Миядзава вспоминает такой эпизод: «Как-то раз я простудился и начал кашлять, и тогда Пико начал произносить свою обычную фразу: "Я Пико Миядзава", сопровождая ее кашлем. Разумеется, кашлю его никто не учил. Он освоил это сам по себе».

То, что попугай научился кашлять, еще раз доказывает, что любую способность можно развить. Раз Миядзава удалось выучить маленькую птичку, то что уж говорить о его способностях УЧИТЬ и воспитывать детей?

Младенец отзывается на знакомую мелодию

Четырнадцать или пятнадцать лет назад в городе Уеда, провинция Синею, произошел следующий эпизод.

Преподаватели нашей школы воспитания талантов собрались как-то в гостях у одного знакомого и вели непринужденную беседу. В это время в комнату вошли дети двух наших учителей, госпожи Симадэ и госпожи Киути, держа в руках маленькие скрипочки. «Ну что, послушаем музыку?» — предложил кто-то. Как обычно, дети с радостью дали для нас концерт. Прямо передо мной сидела госпожа Киути с младенцем на руках. Я поинтересовался его возрастом, и мне сказали, что это девочка по имени Хироми и что ей пять месяцев. Ее старшая сестра Ацуми, которой уже исполнилось шесть лет, ежедневно упражнялась на скрипке, играя концерт Вивальди ля-минор, а также постоянно слушала пластинку с этой записью. Таким образом, Хироми чуть ли не с первого дня жизни ежедневно слышала эту музыку. Мне стало любопытно узнать, какой эффект она производит на пятимесячного младенца. Я встал, взял скрипку и заиграл менуэт Баха. Играя, я не отрывал глаз от лица Хироми. Эта малышка уже хорошо была знакома со звуками скрипки. Она внимательно смотрела на меня, слушая незнакомую для

себя музыку. Но потом я переключился на менуэт из концерта Вивальди ля-минор, который она постоянно слышала дома. И не успел я сыграть первые такты, как произошла удивительная вещь.

Выражение лица Хироми внезапно изменилось. Она улыбнулась и повернула свое радостное личико к матери, которая держала ее на руках. Было совершенно очевидно, что Хироми хочет сказать матери: «Слышишь? Это моя музыка». Затем она снова повернулась ко мне и начала раскачиваться в такт музыке. Ребенок, которому исполнилось всего пять месяцев, уже знал мелодию из концерта Вивальди ля-минор! Таким образом, можно сказать, что грудной младенец проявляет произвольный интерес ко всему, что он видит и слышит. Именно так и закладываются основы личности.

И это должно нас настораживать. Ведь он может впитывать в себя не только слова и музыку, но и вообще все подряд — и хорошее, и плохое.

Спустя четыре года на большом концерте в Мацумото на сцене стояли 150 детей с маленькими скрипочками. Они играли концерт Вивальди ля-минор.

— Кто эта девочка в первом ряду посередине? — спросил я. Она вкладывала в игру все свое сердце и душу и замороженно покачивалась в такт музыке.

— Это Хироми Киути из Уеды.

Это была она. Я сразу же вспомнил пятимесячного младенца, который так искренне радовался этой музыке. Естественное развитие способностей дало свои плоды.

Дети — это продукт тренировки и окружающей среды

Через десять лет я получил от Хироми письмо, к которому были приложены ноты. В то время она уже училась в школе. «Дорогой профессор, — сообщала мне она, — я написала стихи и сочинила на них музыку. У нас среди учащихся проводился национальный конкурс на лучшую песню. Мою песню отобрали для конкурса, и она заняла первое место».

Нужны немалые творческие способности, чтобы сочинять стихи и писать музыку. Вспоминая крошечную девочку на руках у матери, слушающую концерт Вивальди и радостно раскачивающуюся всем телом в такт музыке, я лишний раз убеждаюсь, что этот талант был воспитан в ней родителями.

Ацуми и Хироми родились совершенно обыкновенными детьми, и им повезло, что у них оказались такие родители.

Личность любого человека, то есть его способности, образ мышления и чувства, форми-

руется и оттачивается в ходе тренировки и под воздействием окружающей среды. Все это отражается на его лице и в глазах и проявляется в характере. Окружающий мир день за днем оставляет отпечаток на нем, определяя шаги, которые человек совершает в жизни. Именно так, незаметно, и складывается его жизненный путь.

Далее я попытаюсь пояснить, каким образом каждый человек решает встающий перед ним вопрос: как пройти этот жизненный путь? Но сейчас мне хотелось бы поговорить на другую тему, которая меня волнует: как воспитывать детей.

Талант не наследуется

Первый месяц в жизни соловья определяет всю его дальнейшую судьбу...

Я всегда полагал, что несравненные соловьиные песни представляют собой инстинкт или унаследованные способности. Однако это не так. Соловьев, живущих в домашних условиях, забирают по весне еще неоперившимися птенцами. Как только они немного привыкают к неволе и начинают брать корм у людей, к ним подсаживают «учителя», который целый день выводит свои трели. В течение месяца птенцы прислушиваются к нему и усваивают его навыки. Такой метод используется в Японии с древности. Это тоже своего рода «воспитание талантов». Старшая птица

играет роль учителя для птенцов. Существуют и другие способы тренировки, но главным остается хороший учитель на протяжении первого месяца. Каким певцом окажется птица в дальнейшем, определяется в первый месяц ее жизни. И здесь не играет никакой роли, с хорошими или плохими способностями родился тот или иной птенец. Даже если рассматривать только соловьев, мы видим чудесный пример приспособления к окружающей среде. Если есть хороший учитель, то птенец в ходе своего развития воспринимает его опыт и начинает петь так же красиво. Однако если посадить к учителю птицу, выросшую в дикой природе, то, как показывает многовековой опыт, ничего подобного не происходит. Таков закон природы. Разве этот пример с соловьями не служит для нас ценным намеком в плане развития человеческих потенциалов?

Лично я в этом глубоко уверен и поэтому ради будущего наших детей прилагаю все усилия, чтобы оказать на них положительное влияние в самом раннем возрасте.

Всех детей мира можно лишить музыкального слуха

Пример с соловьями — это лишь одно из проявлений общего закона жизни. Давайте теперь рассмотрим процесс формирования челове-

ческих способностей. Матери часто говорят мне: «У меня совершенно нет слуха». Этим они пытаются объяснить, почему нет музыкального слуха у их детей. Они полагают, что это наследственное и ничего поделать тут нельзя. Однако ни один соловей не рождается «без слуха», и то же самое можно сказать о детях. Ребенок прекрасно воспринимает все повышения и понижения тона в «ворковании» матери. У него прекрасный слух. Именно поэтому он и в дальнейшей своей жизни будет петь так, как пела ему мать у колыбели. Точно так же дети, родившиеся в Осаке, усваивают сложный диалект этой местности.

Если ребенок с младенчества слушает неправильное пение, его уши привыкнут к этому, и переучить его впоследствии будет очень трудно. Поэтому, если поставить перед собой такую задачу, то всех детей на планете можно лишить музыкального слуха. Однако совершенно ясно, что если такая задача выполнима, значит, не существует никакого врожденного музыкального таланта. Необходимо осознать этот факт.

Если выразить эту мысль вкратце, то:

- 1) надо учиться развивать талант в ходе образования и воспитания;
- 2) необходимо понимать, что талант, будь то в области музыки или в других сферах человеческой деятельности, не передается по наследству.

Дети, воспитанные среди волков

Когда ребенок рождается, у него нет никаких талантов. Человек — это продукт своего окружения. Жизнь заставляет его приспособливаться. Это совершенно отчетливо демонстрирует работа Фумио Киды «Детская психология». В ней доктор Кида рассказывает историю двух маленьких девочек, воспитанных волками.

В 1941 году два профессора из Денвера и Йельского университета получили отчет о необычном исследовании. Один священник в Индии обнаружил двух маленьких девочек, которые выросли среди волков. Одной из них было около двух лет, а другой примерно семь. Младшую называли Амала, а старшую Камала. В отчете содержались фотографии и данные наблюдения за ними в течение девяти лет. Находка была сделана в джунглях к северо-западу от Калькутты. (Говорят, что среди местного населения Индии до сих пор существует обычай избавляться таким образом от новорожденных девочек.)

Голова, грудь и плечи обеих девочек были покрыты густой шерстью. После того как ее состригли, они стали похожи на людей.

В волчьем логове дети ползали на четвереньках. Их глаза прекрасно видели в темноте, обоняние было чрезвычайно чувствительным. Бегали они на всех четырех конечностях, как собаки,

причем настолько быстро, что людям нелегко было их догнать. У них были широкие плечи, сильные ноги. Коленные суставы были согнуты и полностью не распрямлялись. Предметы они брали не руками, а зубами. Ели и пили они, как собаки. Камала по всем повадкам напоминала волка. Она не только любила сырое мясо, но и демонстрировала явное пристрастие к мясу с душиком. Она была невосприимчива к перемене температуры и не потела. Когда было жарко, она высовывала язык и часто дышала, как собака. Ее кожа была гладкой и твердой и поэтому не пачкалась, а ладони — сплошь в мозолях. Голова, покрытая длинными и спутанными волосами, была непропорционально большой. При малейшем звуке ее уши поднимались торчком, и она напрягалась всем телом. Если Камала была раздражена, ее ноздри раздувались, и она рычала, как собака. Если кто-то пытался помешать ей во время еды, она оскаливала зубы и ворчала.

Днем она спала, но как только солнце садилось, переходила к активному состоянию. По ночам она, как и в то время, когда жила среди волков, трижды принималась выть через равные промежутки времени — в десять часов, в час и в три. Эта привычка стала ее второй натурой, так как в течение многих лет она выла хором вместе с волками. За девять лет, проведенных в челове-

ческом обществе, она так и не избавилась от этой привычки и продолжала выть вплоть до своей смерти в шестнадцатилетнем возрасте. Голос Камалы не обладал ни человеческими, ни звериными звуковыми характеристиками. Она издавала специфические нечленораздельные звуки.

Разве все это могло быть *унаследовано!*

Человеческое дитя, живущее среди волков и воспитанное ими, переняло и все их привычки. Чтобы выжить, человек автоматически приспосабливается к окружающей среде. Таинственная и непреодолимая сила жизни заставляет его вести себя так, как диктует среда. При одной только мысли об этой колоссальной мощи воздействия окружающей среды меня охватывает трепет.

Все вышеперечисленные факты показывают, насколько важно воспитание детей в самом раннем возрасте. Мы должны серьезно задуматься над тем, как воспитывать и чему учить детей, как воздействовать на их разум и чувства, на их поведение. До сих пор мы полагали, что все эти качества у них являются врожденными и передаются по наследству. Я настоятельно рекомендую отказаться от этих заблуждений. То положение, в котором оказались Амала и Камала, нельзя назвать иначе как ужасным! Оно закончилось, когда их забрали из волчьего логова и переместили в человеческое общество, но их опыт

доказывает мощь человеческого духа. Несмотря на то что обе были людьми, они прекрасно приспособились к своим, то есть к волчьим, условиям жизни. Если бы на них с самого начала с такой же силой оказывали влияние цивилизованные условия человеческого общества и подходящая среда, то можно было бы ожидать прекрасных результатов. Как бы там ни было, ученые приравнивали их по уровню развития к идиотам. Я так не думаю, особенно если учесть, насколько хорошо они адаптировались к своему окружению. Но главное здесь то, что их сформировала не наследственность, а среда. Дети живут, видят и чувствуют, и их способности развиваются в соответствии с окружением. Конечно, такой подход начисто игнорирует фактор наследственности, который люди упорно продолжают считать чрезвычайно важным.

Однако вспомните, что эти дети бегали на четырех конечностях, хватали предметы зубами, как собаки, питались сырым и предпочтительно протухшим мясом. Более того, плечи и грудь этих девочек были покрыты густой шерстью. Разве кто-нибудь может утверждать, что все это они унаследовали?

В современном обществе мы не отдаем детей волкам. Но неблагоприятная окружающая среда, с которой некоторые дети сталкиваются сразу же

после рождения, наносит такой ущерб их развивающимся способностям, что результаты почти ничем не отличаются от воспитания среди волков. Если вы видите школьника с заторможенными или нарушенными способностями и считаете, что все дело тут в наследственности, то это большое заблуждение. Судьба детей находится в руках родителей.

Нельзя воспитать качества, отсутствующие в окружающей среде

Мы не в состоянии определить черты личности грудного младенца...

Предмет, в котором я лучше всего разбираюсь, — это музыка. Именно поэтому я буду говорить о музыке, независимо от того, существуют ли у человека врожденные музыкальные задатки или нет. Раньше всегда полагали, что талант или выдающиеся способности представляют собой врожденный фактор или передаются по наследству. Но можно ли подвергнуть тесту грудного младенца, чтобы определить, присутствуют ли в нем эти качества? Вся проблема в том, что оценка способностей детей производится в том возрасте, когда им уже исполнилось пять-шесть лет. Но ведь критическим возрастом для развития младенца является куда более ранний возраст. Необходимы глубокие исследования, чтобы

найти способ определения потенциальных талантов грудных детей. Если мы хотим в полной мере соответствовать тем требованиям, которые выдвигает перед нами будущее, необходимо доскональное изучение этих проблем. Я делаю все, что могу, но этого не достаточно.

Что же касается врожденных задатков или наследственности, то я убежден, что наследуются только физиологические особенности организма. С момента рождения все остальное зависит только от психологического влияния, которое оказывает на ребенка окружающая среда. Только этим определяются все его способности и таланты.

Благоприятная среда — залог выдающихся способностей

Нам нет необходимости отыскивать в ребенке какие-то специфические врожденные свойства или таланты. Лишь хорошее окружение оказывает наибольший эффект на воспитание выдающихся способностей. Это подтверждают примеры и Хироми Киути, и соловьев, и попугая Пико. Нет никакого смысла в оценке способностей детей в возрасте пяти или шести лет. Ребенок уже рождается со всем набором необходимых способностей и с первого дня развивает их в ходе жизнедеятельности и приспособления к окружающему миру. Поэтому основным и главным качеством

ребенка при рождении является его способность адаптации к окружению в большей или меньшей мере, чем у остальных.

Даже у самого умного ребенка может не быть музыкального слуха. Он может даже превратиться в волка или в кого угодно. Все зависит от окружения. Я твердо уверен, что культурные и музыкальные задатки не идут изнутри, не наследуются, а проявляются только в подходящей обстановке. Весь вопрос лишь в чувствительности восприятия ребенка и в скорости адаптации. Поэтому хорошие задатки при рождении — это всего лишь способность быстрее приспосабливаться к окружающей среде. Приобретение человеком вольчьего чутья и других повадок свидетельствует лишь о его способности адаптироваться к любым обстоятельствам. Если бы Эйнштейн, Гете или Бетховен родились в каменном веке, то они имели бы образовательный уровень не выше, чем у большинства людей того времени. Справедливо и обратное: если бы мне поручили воспитание и обучение ребенка из каменного века, то он был бы способен сыграть на скрипке сонату Бетховена не хуже, чем любой другой современный ребенок. Опять же, если бы сегодняшний ребенок воспитывался в обществе, отстоящем от нас на пять тысяч лет, он бы воспринял все обычаи и привычки того времени.

Нельзя привить ребенку то, что отсутствует в культурной среде

Где бы дети ни родились — в западных странах, на Востоке или в Африке, — они воспитываются в соответствии с присущей этим странам культурой. Дети приспосабливаются к разнообразной обстановке и воспитываются в зависимости от тех или иных качеств родителей.

Любой результат имеет свою причину. Следствием неправильного образования и воспитания становятся отрицательные черты личности, а хорошее воспитание и образование приводят к развитию высоких чувств, благородства и чистоты помыслов.

Все дети приспосабливают жизненные силы своего организма к соответствующим условиям окружающей среды.

Профессор Н. Пронко из Канзасского университета несколько лет назад навестил меня в Мацумото. До этого он провел ряд экспериментов по изложенной выше теме и пришел к выводу, что дети, воспитанные в различном культурном окружении, приспосабливаются к соответствующей окружающей среде в первые девять месяцев жизни. Те качества, которые не востребованы данным конкретным окружением, у ребенка не развиваются. Результаты своих исследований он опубликовал в Америке.

Трудно подобрать слова, чтобы выразить пагубность подхода, при котором уже достаточно сложившийся ребенок подвергается тестированию и на основании этого делаются выводы о его якобы «врожденных» качествах. От подобных представлений пора отказаться. Необходимо положить этому конец. Невозможно предсказать, каких высот может достичь ребенок, получающий правильное воспитание с момента рождения. Может быть, имеет смысл тщательно проанализировать эти возможности? Благоприятная окружающая обстановка и должное образование наверняка принесут детям благополучие и счастье и дадут свет надежды для будущего человечества.

«Может ли мой мальчик стать кем-нибудь?»

Однажды ко мне подошла мать одного из моих учеников, чтобы поинтересоваться успехами сына. У мальчика было хорошее музыкальное чутье, он усердно занимался и был прекрасным ребенком.

— Сенсей, скажите, может ли мой мальчик стать кем-нибудь? — спросила меня мать.

— Нет, — с улыбкой ответил я. — Кем-нибудь он никогда не станет.

В наши дни у родителей появилась тенден-

ция задавать подобные вопросы. Она свидетельствует об излишне трезвом и расчетливом подходе к образованию детей. Когда я слышу подобные вещи, то отвечаю всегда в шутовском тоне. Однако мать не на шутку встревожилась таким ответом, поэтому мне пришлось продолжить:

— Учась играть на скрипке, он станет достойным человеком. Разве этого мало? Не требуйте от ребенка, чтобы он стал профессионалом и зарабатывал музыкой большие деньги. Ведь именно эта мысль прослеживается в вашем вопросе. Человек с добрым и чистым сердцем всегда найдет свое счастье. Единственная забота родителей — воспитать ребенка честным человеком. Этого вполне достаточно. Если вы ставите перед собой другие цели, то конечный результат может оказаться совершенно противоположным. Ваш сын играет на скрипке очень хорошо. Мы только должны добиться, чтобы у него были чистые помыслы и благородное сердце.

Мальчик, получивший первый урок от отца

О том, что я стал основателем нового движения в обучении игры на скрипке, стало известно многим родителям.

— Вы не могли бы послушать моего мальчика? — обратился как-то ко мне господин Х. из

Нагой, который сам обучал сына. Юноше было в то время уже восемнадцать лет, и он работал над Пятым концертом Моцарта.

— С удовольствием, — ответил я. — Скажите ему, чтобы выбрал время и зашел ко мне.

Примерно через месяц молодой человек навестил меня. Впервые увидев его, я поразился, насколько он был похож на своего отца — интонацией, нагойским диалектом, манерой речи. Даже его приветственный жест — протянутые вперед обе руки — и улыбка были в точности как у отца.

Я попросил молодого человека сыграть что-нибудь. Он достал скрипку из футляра и начал настраивать ее, делая смычком точно такие же движения, как и отец. Но и это еще было не все. Когда он начал играть, его осанка, движения рук и смычка ничем не отличались от отцовских. Даже недостатки игры — смазанные переходы, нечеткий звук и другие мелкие детали — напоминали отца.

До этого мне не приходилось видеть такого яркого примера приспособления ребенка к своему окружению. Восемнадцать лет, прожитые в семье, явственно отразились на поведении, восприятии и чувствах мальчика.

Примерно тридцать лет назад моим первым маленьким учеником стал четырехлетний Тосия

Ето. Вслед за ним пришел еще один малыш — Кодзи Тойода. Когда мы переехали из Нагой в Токио, отец Кодзи тоже перебрался туда вслед за нами.

Позднее, услышав, как трехлетний Кодзи Тойода исполняет «Юмореску» Дворжака, а семилетний Тосия Ето играет концерт, ко мне пришел один человек и привел с собой трехлетнего сына. Он поинтересовался, как узнать, есть ли у его сынишки музыкальный талант. Если да, то он хотел бы отдать его учиться игре на скрипке.

Но кто же может определить наличие музыкального таланта у трехлетнего ребенка? Я сказал отцу, что талант — это не врожденное качество. Его можно лишь развить в себе. Однако он меня не понял. И сколько еще таких отцов на свете!

Вспоминая молодого человека, который вырос по образу и подобию своего отца, я думаю, что зачастую достаточно поглядеть на родителей, чтобы понять, какими станут их дети.

Поразительная сила жизни

Смычок выпадает из рук, а мать все поднимает его...

Отделения школы воспитания талантов разбросаны по всей Японии. Туда принимают любого ребенка без всяких предварительных ис-

пытаний, так как наш принцип основывается на предпосылке, что талантами не рождаются и что каждый ребенок может развить в себе способности путем постоянной тренировки.

Наша задача заключается в том, чтобы с самой колыбели воспитывать в детях благородство духа, прививать им высокие ценности. В нашей школе мы добиваемся этого за счет игры на скрипке.

Все преподаватели в школе воспитания талантов следуют этому курсу. Вместе с родителями они не жалеют сил, чтобы дети выросли порядочными людьми.

В нашем отделении в Накацугаве произошел следующий случай. Среди других школьников там училась шестилетняя девочка, страдавшая детским церебральным параличом. Она почти не контролировала правую половину своего тела, и у нее было косоглазие. Играя песенку «Свети, свети, звездочка», она доходила до последних двух нот первой фразы, и тут ее правая рука непроизвольно дергалась, и смычок выпадал из руки.

Ее учитель Його был очень огорчен и озабочен. Он рассказал мне об этом случае и попросил совета. Я дал ему простой ответ: «И учитель, и родители должны признать этот факт и продолжать работать». Учитель терпеливо про-

должал свои уроки, и каждый день бесчисленное множество раз матери приходилось подбирать смычок с пола. Для нее это было нелегким испытанием. Но большая любовь и настойчивость в конце концов победили. Настал день, когда девочка все же смогла удержать смычок в руках до конца пьесы.

Полгода выдержки и настойчивости

За сравнительно короткое время — шесть месяцев — девочка научилась играть песенку «Свети, свети, звездочка» с начала и до конца. Благодаря ежедневным занятиям ее правая рука начала обретать силу и ловкость.

Мать и учитель вместе прошли через это полугодое испытание. Невозможное оказалось возможным. Если бы они поддались отчаянию и сдались, эта способность к девочке так бы никогда и не вернулась. Незаметные, крошечные успехи росли и накапливались, пока не стали очевидными всем. Когда я похвалил мать за ее выдержку, она сказала: «Мне хотелось, чтобы она хоть чуточку научилась играть. Но она так часто роняла смычок, что я уже совсем отчаялась и думала, что все бесполезно. Благодаря вам она уже может сыграть всю пьесу целиком и управлять своей рукой. Дочка просто счастлива». К счастью, девочка продолжила занятия музыкой. У

нее выправилось косоглазие, она стала нормально двигаться. В конечном итоге она преодолела свою болезнь и встала на путь выздоровления. И все это только благодаря одной песенке и упорству матери и преподавателя.

Природные способности проявляются только в ходе тренировки

«Способности — это сама жизнь». Моя вера в это еще более окрепла после истории с девочкой, страдавшей церебральным параличом.

Человечеством управляет жизненная сила. Всякое существо, стремясь выжить, проявляет невероятную силу приспособляемости к окружающей среде. Жизненная сила человека укрепляется благодаря постоянной тренировке и порождает способности, которые в ходе упорных занятий и преодоления трудностей проявляются все ярче. Другого пути нет. Развития способностей нельзя добиться путем теоретических размышлений. Для этого нужна постоянная практика, о чем я расскажу ниже. Жизненная сила проявляется только в действии. Праздность и способности несовместимы. Давайте представим себе, что родители этой больной девочки смирились с болезнью и решили, что ничего сделать невозможно. Она так и осталась бы инвалидом. Музыка стимулировала ее мозг и тело. Это и

было то действие, которое в конце концов сделало девочку здоровой духовно и физически.

Кодзи

В 1962 году осень в Шинсю наступила рано. Листья деревьев уже начала желтеть, когда я получил следующее письмо:

Берлин, сентябрь 1962 г.

Достопочтенный учитель!

Я только что прибыл в Берлин. Профессор, в каком районе вы жили здесь? Я всегда мечтал увидеть это место. Все здания в Берлине кажутся мне немного холодными. Но берлинцы, в отличие от провинциального Кельна, более элегантные, утонченные и вежливые. Вчера я ходил на прослушивание в Берлинский симфонический оркестр, и мне предложили место первого концертмейстера. Главный дирижер Фриксей расценивается сегодня в Германии наравне с Караяном и Кубеликом. Единственное, что меня заботит, это мысль о том, достоин ли я места первой скрипки в таком знаменитом оркестре.

С глубоким уважением и почтением,

Кодзи.

Кодзи написал мне это письмо сразу же после переезда из Кельна в Берлин. Когда я читал его, меня переполняли радость и удивление.

Кодзи завоевывает любовь и уважение музыкального мира

Впервые с тех пор, как западная музыка пришла в Японию, японец занял такое высокое положение в Европе. Это казалось просто невероятным, так как я знал о высочайшей репутации Берлинского оркестра. Быть просто его участником — это уже великая честь. Но чтобы первой скрипкой стал японец Кодзи!..

Для того чтобы занять эту должность, требуются три вещи: 1) тонкое музыкальное чутье, 2) высокое исполнительское мастерство, 3) хороший характер. Все эти качества должны сочетаться в одном лице. Настоящий артист — это человек, отличающийся утонченностью чувств, мыслей и поступков. Именно эти принципы я пытаюсь воспитать в своих учениках. Беззаветное* служение искусству в сочетании с этими идеалами помогло Кодзи снискать уважение своих коллег.

Полученное недавно письмо от участника оркестра Хироко Ямады еще раз демонстрирует те любовь и уважение, которые Кодзи завоевал в музыкальном мире.

Кодзи пользуется большим авторитетом у всего оркестра, являясь одновременно самым, - скромным его участником и человеком, к которому всегда можно обратиться за помощью. Я

имею право говорить так, поскольку хорошо его знаю.

Впервые Кодзи вышел на сцену, когда мои ученики давали концерт в зале «Нихон Сейненкан» в Токио. Тогда Тосии Ето было семь лет. В тот вечер он играл скрипичный концерт № 3 Фридриха Зейтца в сопровождении Токийского струнного оркестра. Йоко Аримацу, которой только что исполнилось пять лет, тоже играла очень хорошо. Закончив выступление, она забросила скрипку себе на плечо и, улыбаясь, вприпрыжку побежала со сцены. Весь зал расхохотался при виде такой непосредственности. А вслед за ней на сцену вышел с крохотной скрипкой в руках трехлетний Кодзи. Он играл «Юмореску», а его отец аккомпанировал на гитаре. На следующий день главные газеты страны вышли с большими фотографиями Кодзи и заголовками: «Рождение гения», «Блестящий успех», «Чудо» и т. д. Еще до выступления я говорил журналистам: «Талант не дается от рождения, а воспитывается в результате упорной работы. Гений — это человек, который своим трудом добился огромного успеха». Я постоянно повторял и подчеркивал эту мысль, но, к моему сожалению и разочарованию, ее так и не поняли.

Все это было тридцать пять лет назад.

Мои бесценные друзья

Когда я стал давать уроки игры на скрипке в Нагое, отец Кодзи жил в Хамамацу. В начале 30-х годов мы переехали в Токио. Вскоре после этого туда переехал и господин Тойода со всей семьей, и маленький Кодзи стал приходить на уроки к нам домой. То, что он вообще начал играть на скрипке, стало результатом стечения обстоятельств. Вопрос никогда не стоял о том, хочет он этого или нет. Точно так же все японские дети осваивают японский язык, независимо от того, любят они его или терпеть не могут. С самого рождения Кодзи каждый день слышал в доме музыку. Постоянные упражнения на скрипке не составляли для него никакого труда. Большая практика дала чудесный результат. Именно поэтому, а не из-за своей гениальности Кодзи в три года смог так блестяще исполнить «Юмореску».

В мой дом приходило все больше маленьких учеников, и жизнь становилась все оживленнее. Мне доставляло громадное удовольствие возиться с детьми, и все они стали моими друзьями.

Вскоре началась война, и я уехал в отдаленный город Кисо-Фукусима, где работал на деревообрабатывающей фабрике. Позднее я переселился в Мацумото.

Мои маленькие друзья стали уважаемыми людьми

Прошло уже почти тридцать лет, и все мои бывшие ученики стали уважаемыми взрослыми людьми, что переполняет меня гордостью.

Теперь я уже не могу вспомнить всех по именам, поэтому назову лишь немногих:

Тосия Ето — профессор института Кертиса

Иоко Аримацу — скрипачка Брюссельского академического оркестра

Такеси Кобаяси — концертмейстер в Чехословакии

Кендзи Кобаяси — скрипач оркестра Нью-Йоркской школы Джуллиарда

Кодзи Тойода — первый концертмейстер Берлинского симфонического оркестра

Хидетаро Судзуки — концертмейстер Квебекского симфонического оркестра

Недзико Сува — участник Брюссельского академического оркестра

Все эти дети были приняты в школу воспитания талантов без всяких предварительных экзаменов и тестов.

Научить можно любого ребенка, и для этого есть только один путь

Я не устаю повторять это, и правильность моих слов подтверждают блестящие достижения детей из моих первых наборов. Тосия в одиннадцать лет завоевал первую премию Министерства просвещения на конкурсе, организованном одной из газет. Там требовалось сыграть концерт ля-минор Баха. Маленький семилетний Кодзи тоже прекрасно освоил это произведение. Мне пришлось убеждать жюри, что ребенок в семь лет может достичь такого уровня. Я сказал им: «Господа, я умоляю вас дать возможность Кодзи сыграть этот концерт. Можете даже не выставлять ему оценок...»

И Кодзи прекрасно выступил.

Мы покидаем Токио

На фабрику в Кисо-Фукусиму мне пришлось отправиться в одиночку...

В 1943 году мне было сорок пять лет. В тот год немецкая армия была разгромлена под Сталинградом, и наступил перелом в войне на тихоокеанском театре военных действий. Японская армия вынуждена была отступить от Гвадалканала, и жизнь в стране стала особенно тяжелой и беспокойной. Мой отец выпускал на своей скрипичной фабрике поплавки для гидросамолетов.

Однако поставки японского кипариса шли с перебоями, поэтому при всем желании работать мы не могли. Чтобы работа полностью не остановилась, кому-нибудь следовало отправиться в горы поблизости от Кисо-Фукусимы и наладить поставку леса. Я навестил отца в Нагое, чтобы доложить ему о состоянии дел и посоветоваться, как получить разрешение на вывоз древесины.

Пока я оставался в Токио, большинство моих учеников отказывались эвакуироваться. Однако воздушные налеты становились все ожесточеннее, и мысль о том, что из Токио пора уезжать, появлялась все чаще. Я в то время преподавал в Императорской музыкальной школе и в школе Кунитати. Когда я сообщил начальству о своих планах отъезда, выяснилось, что и члены жюри музыкального конкурса, организованного газетой «Майнити», тоже объявили о его отмене.

Чем сильнее становились бомбардировки, тем настойчивее жена уговаривала меня уехать из Токио и перебраться в Хаконе, где у нас был небольшой коттедж на берегу озера Аси. Она отказывалась оставлять меня одного и не хотела ехать в одиночку, так что, в конце концов, я тоже решил эвакуироваться. Однако обстоятельства распорядились так, что уезжать нам все же пришлось порознь.

Чтобы контролировать поставки леса для на-

шей фабрики в Нагое, мне пришлось отправиться в Кисо-Фукусиму. Но моя жена была немкой, и ей не разрешили поехать со мной, несмотря на то, что она уже утратила немецкое гражданство и, выйдя за меня замуж, стала подданной Японии. Не помогло и то, что Германия была союзницей Японии. Ко всем иностранцам относились с подозрением, и жизнь у них была не из приятных. Во время войны всех немцев, проживавших в Японии, вывезли на горные курорты Каруизава и Хаконе, а поскольку в Хаконе у нас был дом, то жене пришлось отправиться туда одной. С продовольствием было очень плохо, но в Хаконе она могла, по крайней мере, получать специальный немецкий паек (хлеб вместо риса и т. д.). Скрепя сердце нам все же пришлось расстаться до конца войны, надеясь, что долго она не продлится.

Ее практически лишили свободы передвижения, и она не могла даже выехать за пределы «немецкой деревни», чтобы навестить меня, но я мог посещать ее время от времени. Один из таких визитов особенно ярко запечатлелся у меня в памяти. Жена сберегла для меня чудесное яблоко из своего пайка, но мне оно показалось слишком красивым, чтобы наслаждаться им в одиночку, и я, ничего не сказав ей, отдал его детям в Кисо-Фукусиме.

Вот таким образом я оказался один в горах поблизости от Кисо-Фукусимы и принял на себя руководство местной фабрикой по производству гета (деревянных сандалий), а затем превратил ее в лесопилку и стал снабжать лесом нашу фабрику в Нагое. В делах фабрики я почти не разбирался, но научился отбирать в лесу первоклассные деревья, которые мы распиливали и отсылали в Нагою. На это ушло совсем немного времени.

Работа продвигалась быстро. Производство поплавков для гидросамолетов пошло в гору. Я всегда руководствовался в жизни правилом: если уж делать что-то, то делать хорошо. Этому меня научил в детстве буддистский священник Доген. Работа на лесопилке была интересной, и работал я там с удовольствием.

Борьба с голодом

Жизнь становилась все хуже и хуже. Особенно плохо было с продуктами питания. Кисо-Фукусима находится в долине на высоком берегу реки Кисо. Вокруг города простираются большие леса, и никакие сельскохозяйственные продукты там не выращиваются. К концу войны прекратилась выдача пайков. Поскольку наша фабрика работала на оборонную промышленность, у нас была возможность добывать кое-что на чер-

ном рынке, но я принципиально не пользовался его услугами. В это время ко мне переехала моя младшая сестра с двумя детьми, у которой погиб муж.

В выходные дни мы все вместе отправлялись в горы на поиски вараби (съедобного папоротника), но частенько возвращались с пустыми руками, так как все уже было собрано до нас. Тогда мы спускались к реке и искали водоросли, растущие на камнях. Мы набивали ими полные рюкзаки. Дома мы клали водоросли в большую кастрюлю с водой, добавляли немного соли и варили. Поначалу казалось, что кастрюля полна до краев, но после варки в ней оставалось водорослей всего на полмиски. Однако это все-таки была не пустая вода, и создавалось впечатление, что желудок чем-то наполнен. Вот так мы и перебивались. Сестра очень переживала, что не может как следует накормить детей. Но я всю свою жизнь буду помнить доброту и приветливость жителей Фукусимы.

Мы жили в одном доме с семьей старика Доке. Все его домочадцы от всей души старались помочь нам. Если им удавалось добыть что-нибудь съестное, нас всегда приглашали за стол. После такого угощения к нам вновь возвращалась жизнь.

«Кодзи, я в Кисо-Фукусиме...»

Война становилась все ожесточеннее, но бомбежки миновали Кисо-Фукусиму — маленький, затерянный в горах городок. Я чувствовал свою ответственность за рабочих фабрики, но поскольку помочь им ничем не мог, то каждое утро играл для них на скрипке. Питание и условия жизни становились все хуже. На фабрике нам всем приходилось скидываться в «общий котел», но работали мы усердно.

А потом война закончилась.

Примерно в это же время я узнал, что родители Кодзи умерли, один за другим. Я срочно написал письмо по их старому токийскому адресу. Ответа, разумеется, не было. Тогда я начал расспрашивать оставшихся в Токио друзей, куда могли подеваться Кодзи Тойода и его младший брат. Отец Кодзи переехал в Токио из-за меня, и поэтому меня очень волновало, что могло случиться с двумя маленькими мальчиками-сиротами. В конце концов я обратился на радиостанцию «Эн-Эйч-Кей» с просьбой передать сообщение: «Кодзи Тойода, я в Кисо-Фукусиме. Пожалуйста, дай знать о себе». Через два месяца я получил письмо от человека по фамилии Тойода. Это оказался дядя Кодзи, который взял его к себе.

Кодзи становится членом нашей семьи

- Мы нашли Кодзи.
- Боже, какое счастье!
- Давай возьмем его к себе.
- Сейчас же садись и пиши ему письмо...

Меня переполняла радость. Вскоре после этого Кодзи, которому к этому времени уже исполнилось одиннадцать лет, приехал вместе с дядей в Кисо-Фукусиму. Он подрос за те три года, что я не видел его. Сестра и дети тоже были рады, что Кодзи теперь будет жить с нами. У его дяди в Хамамацу было небольшое питейное заведение, где подавали сакэ. «Ему не до скрипки было, он целыми днями помогал мне», — объяснил дядя. Он попросил меня позаботиться о Кодзи, а сам отправился домой. С того дня Кодзи стал членом нашей семьи. А в девятнадцать лет я отправил его учиться за границу. Моя сестра окружила его материнской любовью и воспитывала наравне с собственными детьми. Кодзи прекрасно чувствовал себя в Кисо-Фукусиме.

Теперь наша семья состояла из семи человек — моей тети со служанкой, троих детей, сестры и меня. Каждый вечер мы устраивали себе какое-нибудь развлечение, например сочиняли по очереди хайку*. Стихи, конечно, были не очень хорошие, но мы весело проводили время.

* Хайку — жанр и форма японской поэзии. Представляет собой трехстишие, построенное по определенным правилам. — *Прим, перев.*

Ради Кодзи мы делали все, что могли

Три года, которые Кодзи провел, помогая своему дяде в баре, уничтожили многое из того, что ему было привито во время учебы в Токио. Мы заметили, что у него испортилось поведение и отношение к окружающим. Мы начали ругать его и делать замечания. А что еще оставалось делать? Однако мы понимали, что это ни к чему хорошему не приведет.

Однажды, когда Кодзи был в школе, я сказал сестре: «За последние три года Кодзи набрался плохих манер и привык бросать все дела на полпути. Но мы все знаем, что если будем ругать его, то он только обозлится. Надо придумать что-то другое». И мы сказали детям сестры Ясуо и Мицуо, что мы теперь в семье не будем никого ругать, а вместо этого станем постоянно демонстрировать приличные манеры и показывать примеры хорошего поведения. «Если мы создадим такую обстановку, то Кодзи, сам того не зная, станет примерным ребенком».

То же самое я предложил делать тете и ее служанке, и они согласились со мной. На следующий день мы начали осуществлять наш план. Мы действовали сообща и подбадривали друг друга. Все это делалось ради Кодзи, но оказалось, что этот метод пошел на пользу всем нам, изменив наши мысли и поступки.

Прошло два года. За это время Кодзи полностью перенял наш образ жизни. Перенесенные им в течение трех лет душевные травмы прошли бесследно, и он стал чрезвычайно воспитанным ребенком.

Начинается воспитание талантов

Движение за воспитание талантов началось в 1945 году. Это был конец нашего трехлетнего пребывания в Кисо-Фукусиме. В Мацумото среди образованной части населения начались разговоры о необходимости открытия музыкальной школы. По чистой случайности певица Тамики Мори, которая преподавала вместе со мной в Императорской музыкальной школе, была эвакуирована именно в Мацумото. Она заинтересовалась этой идеей и прислала мне в Кисо-Фукусиму письмо с просьбой приехать и оказать помощь.

Я направил ей следующий ответ: «Я не слишком заинтересован в том, чтобы "исправлять" ошибки людей, которые уже умеют играть. Мне этого вполне хватило в прошлом в Токио. Я хочу попробовать заняться обучением маленьких детей. Я разработал новую методику и хочу заняться детьми не для того, чтобы отыскивать среди них гениев, а чтобы раскрыть способности каждого ребенка посредством игры на скрипке. Эти исследования я проводил в течение многих

лет и поэтому хочу приложить свои силы к такому виду образования ради нашего будущего. Если моя идея встретит поддержку, я готов начать преподавание».

Через некоторое время из Мацумото пришел ответ, что мои условия приняты и от меня ждут помощи. Поначалу мне пришлось каждую неделю курсировать между двумя городами, но вскоре я понял, что этого недостаточно. Многие люди настойчиво просили меня переехать в Мацумото, и я в конце концов так и сделал. Так было положено начало нашей системе воспитания талантов в музыкальной школе Мацумото.

Бог в душе Кодзи

Как я уже говорил, моя сестра Хина заменила Кодзи мать и хорошо смотрела за ним. В Мацумото Кодзи познакомился с католическим священником и начал по воскресеньям ходить в церковь. Вскоре он стал убежденным католиком. Моя сестра постоянно сопровождала Кодзи и спустя полгода тоже перешла в католическую веру. Она занималась церковными делами и одновременно помогала мне в деле воспитания талантов. Немного позднее Кодзи, будучи еще совсем юным, отправился учиться в Парижскую консерваторию.

— Возможно, Кодзи захочет учиться на священника, — заметил я как-то сестре.

— Да, такое может быть. Для Кодзи искусство и религия — одно и то же.

— Я был уверен, что он хочет стать музыкантом, но если он вдруг захочет поступить на теологический факультет, я возражать не буду. Это ему не повредит.

Но все же Кодзи стал прекрасным музыкантом, несмотря на свои глубокие религиозные чувства.

Ему было тогда четырнадцать лет. Звук его скрипки был глубоким и чарующим. Он обладал необыкновенным музыкальным чутьем. К этому времени Кодзи уже достиг уровня прекрасного исполнителя. И вот однажды произошел следующий случай.

Общение с порядочными людьми помогает выработать благородство характера

После урока, на котором Кодзи замечательно сыграл чакону Баха, я сказал ему:

— Сегодня ты должен пойти в церковь и сыграть там для Христа. Если ты будешь играть всем сердцем и душой, он тебя услышит.

— Хорошо, я пойду, — ответил Кодзи, взяв скрипку и отправился в церковь. Через час он вернулся.

— Я сыграл чакону в церкви.

— Хорошо. И как тебе понравилось?

— Там никого не было, и мне было так хорошо.

— Вот и прекрасно. Теперь, когда бы и где бы ты ни играл, всегда думай о том, что Христос слушает тебя. Договорились?

Кодзи расплылся в улыбке и кивнул головой. %
Милый, добрый Кодзи!

Я считаю, что для развития личности молодым людям надо общаться с выдающимися людьми. Весь мой опыт показывает, что они при этом перенимают какую-то частицу сердца и чувств таких людей и начинают подражать их поступкам. Именно исходя из этого убеждения, я выбрал в качестве учителей для Кодзи Мицусико Секию и его супругу, которых я чрезвычайно уважаю. В настоящее время господин Секия — профессор Международного христианского университета, а в прошлом преподавал в университете Шинсю в Мацумото. Я попросил Секию взять Кодзи в свою семью, чтобы его жена Аяко научила его английскому для сдачи экзамена, необходимого для поездки на учебу за границу. Одновременно я надеялся, что сам Секия обучит его и французскому. Пребывание в этой семье крайне благотворно сказалось на Кодзи, и я очень благодарен за это супругам Секия.

Испытание

В этой книге я неоднократно задаю вопрос: «Что такое талант и способности?» Я еще раз повторяю: талант не дается от рождения, его надо создавать. В связи с историей Кодзи Тойоды я вспоминаю такой случай. Кодзи и Кендзи (Кобаяси) — мы называли их Ко-тян и Кен-тян — были хорошими друзьями. Обоим было примерно по пятнадцать лет. Кендзи жил в Токио. Как только заканчивались занятия в школе, он брал скрипку и приезжал на каникулы в Мацумото. Как приятно было вместе проводить время! Однажды радиовещательная компания «Эн-Эйч-Кей» обратилась ко мне с просьбой выступить по радио. Я подумал, что это неплохая идея, и предложил мальчикам сыграть концерт Вивальди для двух скрипок (они никогда не играли его раньше). Одновременно я задумал испытать их музыкальную память. Я сообщил на радиостанцию, какая музыка будет исполняться, но Кодзи и Кендзи узнали об этом только накануне утром. Я позвал их к себе в комнату, вручил ноты и сказал: «Завтра в час дня вы будете играть это по радио. Все это немного неожиданно, но для вас будет неплохим упражнением. Начинайте прямо сейчас». Они очень удивились, немного побурчали, но тем не менее взяли ноты и побежали к себе в комнату. Буквально через несколько секунд я уже услышал мелодию

концерта. Когда через полтора часа я заглянул к ним, чтобы обратить внимание на некоторые музыкальные моменты, то увидел, что они играют, уже не заглядывая в ноты. Я был поражен.

На выступление — без нот

Я оставил их репетировать и отправился по своим делам. Когда мы вновь встретились за ужином, я спросил:

— Ну как, справитесь?

— Да, профессор. Вы нас сегодня утром немного озадачили. Но музыка очень красивая, правда?

Хотя оба они и обвиняли меня в спешке, но было видно, что им это нравится. Я не заметил у них ни тени озабоченности или неуверенности. Перед тем как на следующий день отправиться на радио, я попросил их еще раз сыграть мне концерт. Я разложил на столе принесенные ими ноты и сел слушать (я всегда требую, чтобы ноты лежали перед учителем). После окончания концерта я сказал: «Играли вы очень хорошо. Звучание и музыкальная интерпретация безупречны. Теперь вы должны и там сыграть точно так же. Я буду слушать вас дома по радио». В радостном возбуждении они вышли из дома и сели в поджидавший их автомобиль. Ноты они, конечно же, с собой не взяли.

Я еще вернусь в этой книге к тому, какое внимание я уделяю тренировке памяти. Мои ученики должны знать музыку наизусть и не обращаться к нотам. Оба мальчика были приучены к этому с детства. Им даже в голову не пришло захватить с собой ноты.

Настало время выбрать для Кодзи лучшего учителя

Способности растут по мере тренировки...

После того как мальчики уехали на радио, я вновь подумал: «Ведь я только вчера дал им ноты концерта. Они его не знали, но сыграли сегодня по памяти, не испытывая ни неуверенности, ни страха». Мой эксперимент удался.

Передача по радио прошла прекрасно. Мы слушали ее всей семьей и радовались за ребят. Сегодня оба они — известные музыканты. Интересно, помнят ли они еще об этом эпизоде?

Разумеется, их приняли в школу воспитания талантов без всяких экзаменов, и всю подготовку они получили в ее стенах. Как уже говорилось, я не считаю большой талант исключительным даром. Каждый человек, получивший подобную подготовку, может проявить талант и располагает для этого всем необходимым потенциалом. Кодзи и Кендзи — это всего лишь два примера из многих.

Тем временем Кодзи, воспитывавшемуся в нашей семье на правах ее полноправного члена, исполнилось девятнадцать лет. Настало время подобрать для него хорошего учителя. Я остановил свой выбор на румынском музыканте Джордже Энеску (1881-1955), одном из самых видных дирижеров и скрипачей двадцатого века.

«У меня нет слов...»

Энеску был уже в преклонном возрасте, но я знал, что он по-прежнему в Париже. Мне очень хотелось, чтобы Кодзи поехал в Париж и учился там под руководством этой выдающейся личности и замечательного музыканта. В ноябре 1952 года, за три года до смерти Энеску, я получил от Кодзи следующее известие: «Я сдал вступительные экзамены в Парижскую консерваторию. Теперь мой учитель — профессор Бенедетти. От одного знакомого я узнал, что профессор Энеску болен и не берет учеников».

«У меня нет слов, — написал я ему в ответном письме. — Я просто не знаю, что сказать. Ведь я тебя отправил в Париж, чтобы ты учился под руководством Энеску. Неужели ты услышал от какого-то знакомого, что профессор Энеску болен, и не убедился сам, что с ним? Ты уехал из Японии только для того, чтобы заниматься с этим педагогом. Если ты уважаешь своего учи-

теля, то не должен пользоваться слухами, а обязан сам разузнать все обстоятельства независимо от того, будешь ли ты у него заниматься. Это же совсем другое дело».

Через некоторое время от Кодзи пришло радостное и трогательное послание: «Я получил ваше письмо и многое понял, читая его. Я узнал адрес профессора Энеску и сразу же отправился к нему. Он принял меня. Это великий и чудесный человек. Несмотря на преклонный возраст и некоторую слабость, он предложил мне сыграть для него. Я исполнил для него чакону Баха. Когда я закончил, маэстро сказал: "Я был бы рад позаниматься с вами. Но в данный момент вы — ученик Бенедетти, и я считаю, что было бы бес тактно переманивать у него учеников. Когда закончите Парижскую консерваторию, я с радостью приму вас". Профессор, я приложу все силы, чтобы закончить консерваторию как можно быстрее».

Я послал Кодзи ответ: «Дорогой Кодзи, спасибо тебе за письмо... Видишь, как полезно было навестить профессора Энеску? Когда-нибудь ты поймешь, что самое высокое благословение человек получает в жизни от встреч с людьми, наделенными высоким гуманизмом и чистой благородной душой. Ценность твоей собственной личности будет определяться той степенью их

величия и красоты их характера, которые тебе удастся впитать. Однако для усвоения этих качеств от тебя потребуются смирение и рассудительность, которые возникают только на основе честности, любви и знаний. То, что ты будешь находиться рядом с профессором Энеску, добавляет мне уверенности и радости. Возможно, я желаю слишком многого, но мне хотелось бы, чтобы рядом с тобой был еще один человек — доктор Швейцер. Это было бы вообще прекрасно. Но какой бы высокой оценки ни заслуживали окружающие тебя люди, лишь от тебя зависит, научишься ли ты от них чему-либо. Только добившись в этом успеха, ты сможешь полностью реализовать преимущества подобного знакомства. Будь всегда скромн, ибо гордость мешает восприятию истины и величия. Пожалуйста, никогда не забывай этого».

Кодзи заканчивает курс

Парижской консерватории за полгода

Спустя полгода состоялись выпускные экзамены в Парижской консерватории. Кодзи сумел одолеть курс обучения в невероятно короткий срок — всего за шесть месяцев. Любого другого порадовал бы сам факт окончания такого знаменитого учебного заведения, но для Кодзи радость заключалась не столько в получении диплома,

сколько в возможности стать учеником профессора Энеску. Эта учеба продолжалась на протяжении двух последующих лет, вплоть до самой смерти великого мастера.

Кодзи был уже взрослым, когда умер профессор Энеску, и поэтому был в состоянии сам выбрать себе наставника. Его выбор пал на Артура Грумьо, преподавателя Королевской музыкальной школы в Брюсселе, который, кроме того, давал сольные концерты, много записывался и был в то время, пожалуй, самым сильным скрипачом в Европе. Услышав игру Грумьо на концерте, Кодзи решил, что должен стать его учеником.

И Кодзи стал для Грумьо учеником номер один. У него были два любимых ученика, к которым он особенно привязался, и оба были японцами. Оба учились у меня с детства. Излишне говорить, что одним из них был Кодзи Тойода. Второй ученицей Грумьо стала Томико Сиды, завоевавшая в 1963 году высший приз Международного музыкального конкурса в Мюнхене.

В 1964 году, когда Грумьо вместе с женой посетил Японию по приглашению международного фестиваля, проводившегося в Осаке, он приехал в Мацумото, и там я впервые встретился с иностранным наставником моих бывших учеников.

Какое счастье познакомиться с таким добрым и отзывчивым человеком, чья личность

отмечена благородным духом, человечностью и естественностью! Я был очень рад за Кодзи и Томико, зная, что они находятся теперь в хороших руках. Томико Сиды и до отъезда за границу играла прекрасно, и я был счастлив, что она нашла учителя, который сможет до совершенства отшлифовать ее способности.

Чтобы достичь высот искусства и обрести музыкальное чутье, абсолютно необходима чистота духа. В 1960 году с Томико Сиды произошел следующий случай.

Играй для Шоссона

На занятия в летнюю школу воспитания талантов в Мацумото со всех концов Японии приезжают около тысячи человек — учеников и их родителей. Каждый вечер даются концерты.

Прежде чем отправиться в Европу, Томико в соответствии с программой нужно было сыграть «Поэму» Шоссона*. Незадолго до выступления она вдруг сказала мне: «Профессор, эта вещь такая трудная, я боюсь».

Я ответил ей: «Чего ты боишься? Эту чудную пьесу ты будешь играть не для публики. Тебе не потребуется демонстрировать перед ней

* Эрнест Шоссон (1855-1899), французский композитор, ученик Ж. Массне и С. Франка. — *Прим. перев.*

свое умение. Прекрати и думать об этом. Если ты сделаешь ошибку, просто еще раз повтори этот пассаж. Сегодня ты будешь играть для духа самого Шоссона. В этой пьесе есть поэзия, сердце, вдохновение. Соедини их со своими — и играй, ничего не боясь. Думай только о том, что в мире нет никого, кроме тебя и Шоссона».

В тот вечер она играла поистине превосходно. Я даже прослезился, выйдя на сцену, чтобы пожать ей руку. Позднее она стала одной из лучших учениц Грумьо.

Глупо жаловаться на отсутствие таланта

Когда мне исполнилось двадцать лет, я отправился на учебу в Берлин и провел там немало лет. Я хотел найти самого лучшего преподавателя игры на скрипке и нашел его в лице профессора Карла Клинглера. Профессор задавал мне на дом трудные музыкальные пьесы. Я упражнялся каждый день по пять часов, но, как ни старался, никакого прогресса не наблюдалось. Я будто уперся лбом в стену. Во мне поднималось отчаяние: «Все бесполезно, у меня нет таланта».

Попутно я ходил на концерты великих музыкантов, которые приносили мне еще большее разочарование. Когда я слушал знаменитый Берлинский филармонический оркестр, составлен-

ный из множества блестящих исполнителей, то чувствовал себя совершенно несчастным и беспомощным. Я говорил себе: «При отсутствии таланта даже ежедневная упорная работа ничего не стоит». Мне хотелось умереть. Такие чувства в большей или меньшей степени посещают каждого молодого человека, особенно тех, кто близко соприкасается с искусством. Видя талант предшественников и сравнивая его со своими способностями, слыша на каждом шагу, что талант дается от рождения, молодой человек легко впадает в меланхолию и отчаяние.

Как бы низко вы ни оценивали свой талант, надо хотя бы попытаться

Многие молодые люди, сомневающиеся в своем таланте, порой подумывают о самоубийстве. Однако вместо того, чтобы предаваться унынию, надо сказать себе: «С талантом не рождаются, его можно воспитать». Когда вы поймете это, надежда всегда поддержит вас, даже если путь каменист и крут. Затраты сил всегда оправдаются, если человек поставил перед собой цель.

Уехав из Японии, я никогда не ставил перед собой задачу стать концертным исполнителем. Меня просто влекла музыка, я хотел познать секрет искусства, сотворенного человеческими руками. Что такое искусство? Мне хотелось узнать

это. Да, я разочаровался и лишился иллюзий относительно своего исполнительского мастерства, но честолюбие прищипывало меня в поисках открытия секрета искусства. И это помогло мне справиться с отчаянием. Пусть даже у меня нет таланта, пусть мои успехи не столь значительны, но я должен идти шаг за шагом по пути к своей цели, чтобы стать гармонически развитой личностью. Я не торопил события, но и не останавливался на полпути. Я без устали пытался чего-то достичь. И это вернуло покой в мои мысли. Я понял, что мне есть ради чего жить.

Я избавился от жалоб на отсутствие таланта

Любовь к искусству помогла мне развить в себе мои собственные способности. «У меня нет таланта» — сколько горя и отчаяния приносит порой это ложное убеждение! Люди годами упорно цепляются за эти мысли, которые в действительности служат только предлогом для того, чтобы не трудиться. После долгих размышлений я в конце концов понял, что человек — это продукт окружающей его среды. Если бы я знал об этом раньше, то мог бы значительно раньше вступить на правильный путь.

В каждом ребенке можно найти способности. Все дело только в методике обучения и в воспи-

тании. Каждый может воспитать в себе талант. Это зависит лишь от должных усилий, приложенных в нужном направлении.

Сдаются только трусы

Чем меньше человек работает над собой, тем меньше проявляются его способности. Как бы ни было трудно, люди должны прилагать усилия, чтобы накопить и развить в себе выдающиеся способности. Я хочу, чтобы вы как следует усвоили эту мысль.

Какие же усилия можно считать правильными и достаточными? Этот вопрос мы обсудим ниже. Сейчас же я хочу напомнить вам о необходимости повторения. После того как вы усвоили какое-то действие, его надо повторять вновь и вновь, чтобы добиться совершенства.

Наука не в состоянии объяснить то, чего она не понимает. Поэтому люди, хоть сколько-нибудь разбирающиеся в науке, не вправе говорить о «врожденном таланте». Что известно науке о человеческом потенциале в момент рождения? Необходимо развенчать предрассудки, сложившиеся в этой области. Бесполезно рассуждать о том, есть ли у человека какие-то задатки или они отсутствуют. Избавьтесь от этих мыслей и сами воспитывайте в себе талант.

***Посмотрите правде в глаза:
неуклюжесть — это результат
плохой тренировки***

Когда я преподавал в Императорской музыкальной школе, как-то раз ко мне подошла одна из учениц:

— Профессор, я такая неуклюжая. Пальцы меня не слушаются.

— Неуклюжая? Кто это тебе сказал?

— Мне так кажется.

— Ты просто недооцениваешь себя. Называя себя неуклюжей, ты допускаешь большую ошибку. Получается, что ты давишь на педаль тормоза и жалуешься, что машина не едет.

— Но пальцы двигаются слишком медленно.

— У тебя были какие-то ушибы или травмы пальцев?

— Нет.

— Положи-ка руку на стол. Вот так. А теперь вместе со мной двигай первым пальцем, как будто играешь на пианино. Чей палец двигается быстрее? Вот видишь, с твоими пальцами все в порядке. Просто твоя голова и пальцы работают с разной скоростью. Если не привести их в соответствие, то ничего хорошего не будет. Ты неправильно упражнялась.

— А что же мне делать?

— В твоём возрасте я тоже делал непра-

вильные упражнения. Мне просто некому было подсказать. Попробуй сделать так: начиная с сегодняшнего дня медленно ставь пальцы в то положение, которое тебе нужно. Постоянно повторяй это упражнение в течение трех дней. На четвертый день постарайся проделать это упражнение немного быстрее и повторяй его на протяжении еще двух дней. На шестой день ты сможешь делать его с той скоростью, которая тебе необходима.

Она последовала моему совету, и уже к следующему уроку ее пальцы двигались быстро и точно, как будто и не было никогда никаких трудностей.

История с тридцатью рабочими

Однажды меня пригласили выступить перед рабочими одной фабрики. После лекции директор в ходе непринужденной беседы сказал: «У нас на производстве заняты тридцать рабочих, которые выполняют ручные операции. Как бы они ни старались, работа идет очень медленно. Похоже, что такими уж они уродились. Мы уже работаем с убытком. Может ли ваша методика воспитания талантов помочь в чем-нибудь?»

Я тут же вспомнил про девочку, которая жаловалась, что у нее медленные пальцы.

— Вы говорите, что у них медленные руки.

Руки тут ни при чем. Это их головы работают медленно.

— Головы?

Я посоветовал директору нанять хорошего тренера и позволить рабочим каждый день в рабочее время в течение часа играть в настольный теннис.

— Таким образом у них наладится координация головы и тела, и я уверен, что их производительность труда увеличится.

— Интересное предложение, — сказал директор.

Он последовал моему совету, и через полгода я получил от него восторженное письмо: «Благодаря вам рабочие стали трудиться значительно лучше, как вы и предсказывали. Я просто в восторге. Помимо того, что работа пошла намного лучше, у них теперь есть еще и настольный теннис для отдыха. Мне хотелось бы лично продемонстрировать вам, как эффективен был ваш совет».

Хироко-тян — девочка, которая все делала очень медленно

Я начал учиться играть на скрипке, когда мне уже исполнилось семнадцать лет, и столкнулся с тем, что мизинец меня не слушался. Ничего удивительного, ведь на протяжении семнадцати лет он не упражнялся для игры на скрипке. Я делал все возможное, но эффект был незначительный.

Когда я брал ноту мизинцем, вибрато было невыразительным, и этот недостаток исполнения был очевидным для всех. Я изо всех сил старался, чтобы мизинец функционировал не хуже остальных пальцев, и практиковался ежедневно на протяжении многих лет. Но даже сейчас, по прошествии сорока лет, он все еще не достиг нужного уровня. Если мы не тренируем какой-то навык в детстве, когда организм еще растет, то впоследствии достижение этого навыка будет связано с потом и болью. Для меня это стало особенно ясно, когда я начал учить музыку детей в возрасте четырех-пяти лет. Их мизинцы тренируются наравне с другими пальцами, и я с завистью наблюдаю, с какой легкостью и точностью они используются. Восприятие, чувства и способности точно так же поддаются тренировке. Для этого требуются только время и труд.

Хироко было шесть лет. Она родилась и выросла в отдаленном районе Маньчжурии и после войны вместе с семьей была репатрирована в Японию. Ее бабушка побывала на одной из моих лекций и привела ее в музыкальную школу Мацумото. Эта Хироко была страшно медлительной. Что бы она ни делала, все получалось намного медленнее, чем у остальных детей. Меня это начало серьезно беспокоить, и я решил проделать следующий опыт.

На втором этаже школы я построил детей в шеренгу. Широко была среди них. Потом, встав перед ними, я скомандовал: «Внимание всем. Когда я досчитаю до трех, быстро положите правую руку себе на голову. Но только на счет "три" — не раньше и не позже». Это упражнение необходимо для игры на скрипке. Маленьким детям оно очень нравится. Я провожу его перед общей репетицией, чтобы они расслабились. Все без исключения с удовольствием и смехом выполняют эту команду. Одна только Широко была на удивление медлительной. Она никуда не торопилась, как будто время для нее вообще не существовало. Мне хотелось не столько научить ее играть на скрипке, сколько изменить характер ее движений, и я продолжал это упражнение раз за разом. В конце концов Широко научилась и хорошо играть на скрипке, и быстро двигаться. За последующие двенадцать-тринадцать лет в ней произошли разительные перемены. Она стала энергичной и активной девушкой и освоила богатый музыкальный репертуар. В настоящее время Широко Ямада — единственная японка, которая играет в оркестре Берлинского радио.

Десять лет упражнений могут превратить недостатки в талант

Недостатки и слабые места в детях обычно списывают на «характер» или «природу», а следовательно, и ничего не предпринимают для их исправления. Но за десять лет благодаря тренировок эти недостатки могут превратиться в свою противоположность — блестящие способности. Если подойти к делу серьезно, то я уверен, что за десятилетний срок любой человек может воспитать в себе любые способности. Даже за год можно существенно исправить многие недостатки, если поставить перед собой высокую цель. Если же продолжать упорно работать на протяжении десяти лет, можно добиться выдающихся результатов.

У каждого есть свои недостатки. Самый типичный из них заключается в том, что мы говорим себе: «Я хочу сделать это», а потом бросаем все на полпути. Эта привычка отрицательно сказывается на всей жизни. Чтобы развить в себе способности, необходимы целенаправленные и активные действия.

Если такие действия продолжают на протяжении всего трех дней или около того, то ни о каком успехе не может быть и речи. Поэтому одного только желания без стремления недостаточно.

Предела человеческому совершенству нет. До самой смерти необходимо не покладая рук превращать свои недостатки в достоинства. Этот процесс может быть чрезвычайно увлекательным и интересным. Можно представить себе аналогию с лошадью, которая стартует последней, но к финишу обходит всех. Здесь присутствует точно такой же азарт.

Как ниндзя учились прыгать

Хотелось бы поговорить немного о развитии способностей.

В одной книге я как-то прочел, каким образом ниндзя учились прыгать в высоту. Один из методов заключался в следующем: «Посадите в землю семя конопли и ухаживайте за ним. Когда оно прорастет, каждый день прыгайте через него». Этот метод позволяет сконцентрироваться на своих действиях и дает стимул для их выполнения.

Конопля растет быстро. Если наблюдать за этим процессом каждый день, то заметить это нелегко, но растение тянется ввысь ежечасно и без остановок. Если прыгать через него каждый день, то умение будет постепенно прирастать по мере роста конопли. Но если человек увидит коноплю только через месяц или два после появления ростка, то она окажется для него слишком

высокой. При отсутствии тренировок в этот период попытка окончится неудачей. Если же тренироваться ежедневно, то вы легко сможете совершить этот прыжок.

Причина, почему мы так легко говорим по-японски, состоит в том, что мы используем язык каждый день. Точно так же обстоит дело и с прыжками через коноплю. Умение приходит вместе с тренировкой. Надо просто упражняться и развивать свои способности, то есть повторять необходимые действия раз за разом, пока они не станут естественными и простыми.

В этом весь секрет.

Взгляните на свою правую руку

Способность не может возникнуть без тренировок. Ее надо воспитывать в себе. Это по силам каждому. Хватит жаловаться на отсутствие таланта, лучше займитесь его развитием.

Для людей, которые привычно пользуются правой рукой, левая является второстепенной. Но это происходит потому, что левая рука относительно меньше упражняется. Обе руки действовали бы одинаково, если бы мы с самого начала в одинаковой степени тренировали их. Точно так же обстоит дело и с человеческими способностями. Если вы не пытаетесь развить свой талант, полагая, что у вас его нет от природы, то это

только ваша вина. Тренируясь каждый день, вы укрепляете свою энергию, восприятие и чувства, и от этого растут ваши способности. Взгляните на свою правую руку. Она превосходит левую только потому, что вы так захотели. При рождении левая рука ничем не отличалась от правой, они обе были совершенно одинаковыми. И взгляните теперь на результат! Точно так же за счет тренировки вы развиваете и любые другие способности. Все зависит только от вас самих.

Это подтверждает ваша правая рука. За счет чего она более «способна», чем левая? Только за счет упражнений. Точно так же можно развить за счет упражнений и талант. Если вы уже что-то освоили и прекратили упражняться, то навык нельзя считать полностью усвоенным. Необходимо практиковаться и дальше, пока нужное действие не будет получаться просто и естественно. Чем больше практики, тем лучше навык. Именно так рождается талант. Левая рука ничуть не уступала бы правой, если бы мы пользовались ими в равной степени

Полезьа усердных упражнений

Прилагайте усилия, чтобы усовершенствоваться. Было бы ошибкой полагать, что у вас от рождения имеются некие способности, которые разовьются сами собой. Если какое-то действие

кажется вам легким, то это свидетельствует лишь о том, что вы развили его в ходе тренировок до такой степени, что оно стало частью вашей природы. Труд и неустанное повторение накрепко запечатлели его в вашем сознании.

Я усвоил это еще во время своей учебы в Германии, когда, стремясь добиться совершенства и пробудить свои способности, вынужден был признать свою непригодность к исполнительской деятельности. Такое понимание, на мой взгляд, тоже очень важно и для детей, и для взрослых. Я и сейчас стараюсь не забывать этого. Так, например, я недавно 1500 раз написал фразу «у звука живая душа» на сикиси (квадратики картона, обтянутые шелком, на которых пишутся традиционные японские стихотворения «вака»). Эти сикиси я вручил каждому выпускнику на ежегодном мартовском концерте. Многие считали, что это очень трудная работа. Мне приходилось вставать очень рано утром, чтобы без ущерба для своей основной работы завершить к сроку этот труд. Я не считал эту работу чем-то сверхъестественным, она приносила мне радость, и мне хотелось сделать ее как можно лучше. Я тщательно вытирал кисточки и рисовал иероглифы китайской тушью на каждом квадратике. Я не слишком силен в каллиграфии, но с каждым новым сикиси у меня получалось все лучше и лучше, а

от этого росла и уверенность в себе. Я прилагал все старание, и, на мой взгляд, все получилось прекрасно. При этом ни один сикиси не похож на другой. Не могу передать вам, какое глубокое удовлетворение принесла мне эта работа и те навыки, которые я развил в себе, выполняя ее.

В ходе повторения развивается совершенство

Мои навыки самодисциплины легли в основу методики воспитания талантов. Я отбросил все свои неправильные действия в прошлом и заменил их полезными и эффективными упражнениями. В большинстве случаев как только ребенку удастся сыграть первую пьесу, за ней очень быстро и с нарастающей скоростью следуют другие. Но просто так играть одну вещь за другой не приносит большой пользы, если не добиваться совершенства в каждой из них. Если ребенок утверждает: «Я могу сыграть все эти пьесы», то этого еще недостаточно, если при этом не развивается музыкальное чутье, не отрабатываются тонкости исполнения и т. д.

Этот принцип применим не только к музыке, но и к любой деятельности. Очень важно развить зародившуюся способность до наиболее высокого уровня. Выучив одну вещь, практикуйся и шлифуй ее каждый день на протяжении пример-

но трех месяцев. Если речь идет об игре на музыкальном инструменте, то слушай в это время * записи лучших мировых исполнителей. Скоро и твоя собственная игра начнет улучшаться до тех пор, пока ты не достигнешь следующего, более высокого уровня. Здесь уже речь идет не о технике, а о духе и сердце.

При игре на скрипке очень важно научиться заканчивать музыкальную фразу. Требуется порой немало времени, чтобы понять, что пьеса уже закончилась, а музыка еще живет. Бах, например, в восемнадцатом веке начал использовать в своих нотных записях фермату. Это можно сравнить с тем моментом, когда верующие в церкви, сделав перерыв в молитвах, становятся на колени. Человек, достигший этого уровня, будет обладать наряду с художественным чутьем еще и благородством сердца и помыслов, что выдвинет его в число самых лучших исполнителей.

Не спешите, но и не медлите: для успеха необходимо терпение

Способности — это такая вещь, которую мы должны сами воспитать в себе трудом. Это означает, что действие надо повторять и повторять до тех пор, пока оно не станет частью нашей природы. Это легко сказать, но вся проблема заключается в том, где найти для этого силы. Очень

многие люди выражают желание чего-то достичь, но их намерения остаются неисполненными. Начав какое-то дело, они не доводят его до конца и не прилагают для этого достаточных усилий. Вам тоже наверняка знаком такой сорт людей. Лишь немногие с упорством и настойчивостью доходят до намеченной цели. О какой бы деятельности ни шла речь, путь к успеху состоит лишь в том, чтобы довести свои замыслы до конца. На это способен каждый, все зависит лишь от воли, носло^екие

Любое достижение — это продукт энергии и терпения, а эти качества точно так же поддаются тренировке, как и любые другие способности. Детей надо воспитывать в духе этой идеи. Иначе как же можно добиться чего-то в жизни? Мы должны ясно осознавать это. В самом начале жизненного пути судьбу человека определяют настойчивость и терпение. Почему? Если мы не бросаем дело на полпути и продолжаем прилагать усилия для достижения цели, то возрастает и терпение. А оно, в свою очередь, способствует развитию способностей. В результате человеку работается намного легче, так как одновременно с работой восстанавливаются его энергия и выносливость.

Естественный рост

Если у человека не хватает терпения и он останавливается на полпути, затем снова начинает и снова останавливается, и так далее, до бесконечности, то от такого «повторения» толку не будет. Этот человек никогда не сможет преодолеть трудности. В конечном итоге он просто прекратит все попытки, так как признает их бесполезными и безнадежными. Многие беды молодых людей берут свое начало именно из-за такого подхода к делу. Давайте вернемся к примеру с деревом. Семя попадает в землю. Мы не видим, как зарождается в нем жизнь. За это отвечает мать-природа — таков фундаментальный закон. Нам остается только терпеливо ждать. Нельзя постоянно выкапывать семя, чтобы посмотреть, растет ли оно, — так можно только погубить его.

И наконец появляется росток. Какое счастье и радость наблюдать, как он тянется ввысь! В это же самое время корни, невидимые в земле, становятся все крепче, давая силу здоровому мощному дереву. Мне кажется, что это подходящая аналогия для развития способностей. Как только появилось «семя» способности, за ним надо тщательно и терпеливо ухаживать. В конце концов появляется «росток» — талант. Его надо развивать и поддерживать до тех пор, пока он не пустит крепкие «корни» в личности. Если чело-

век сумел завершить весь этот процесс до самого конца, он становится обладателем бесценного сокровища.

Без спешки и без остановок

Принять решение и жить в соответствии с ним означает жить с надеждой. Подойдя к высокой горе, вы не в состоянии одним махом взобраться на ее вершину. К цели надо продвигаться постепенно, шаг за шагом. На пути встретятся трудности и препятствия, но не будет ни разочарований, ни отчаяния, если вы уверенно двигаетесь вперед. Только не торопитесь. Это основное правило. Поспешив, вы можете сорваться вниз, ничего не добившись. И не делайте остановок в движении. Это второе основное правило. Без остановок, но и без спешки, шаг за шагом уверенно продвигайтесь вперед. Для воспитания таланта абсолютно необходимы беспредельное терпение, огромная выносливость и то, что мы называем «кан» — интуиция, или шестое чувство. Не обладая этими качествами, Хакуси Юкава никогда не открыл бы своей мезотронной теории. Во всяком случае, я так полагаю.

Луч света в темном мире ребенка

Однажды художник Танака пришел ко мне с рекомендательным письмом от моего друга. За

руку он вел маленького мальчика. Ребенок был слепой. Танака рассказал мне: «Это мой сын Тетити, ему пять лет. В младенчестве у него была тяжелая болезнь, и поскольку речь шла о жизни или смерти, нам пришлось сделать операцию и удалить ему оба глаза. Мы с женой хотим дать ему хоть луч света, который бы осветил его жизнь. Поэтому мы подумали о музыке, и я пришел к вам, чтобы попросить научить его играть на скрипке».

Глядя на бедного маленького мальчика, которому всю жизнь придется на ощупь отыскивать себе дорогу в темноте, я не мог сдержать слез. Сразу согласиться я не мог, так как мне надо было еще придумать, каким образом можно научить абсолютно слепого ребенка.

— Дайте мне одну неделю, — ответил я. — Если я придумаю, как это можно сделать, и буду уверен, что справлюсь, то возьму его.

В ту ночь, сидя у себя в кабинете, я долго размышлял над этой проблемой. Как научить слепого ребенка? Решение все не приходило. И вдруг я понял, что для этого мне в первую очередь нужно самого себя поставить на место слепого человека. Я поднялся со стула и выключил свет. В наступившей полной темноте я снова сел. Да, именно так. Мне следует понять, что такое жизнь в абсолютной темноте, тогда я лучше смо-

ту понять, что нужно мальчику. Кабинет казался пустым пространством. Я не мог разглядеть ни скрипки, ни смычка (хотя знал, что они должны находиться здесь). Четыре струны... их положение... легкое изменение наклона смычка — как объяснить все это ребенку? В полной темноте я нащупал футляр, вынул из него скрипку и смычок и начал играть. Похоже, что для меня совершенно не имеет значения — свет или тьма, потому что я часто играю с закрытыми глазами. Я не глядя чувствую прикосновение смычка к струнам, ощущаю гриф, положение руки на нем. Я «вижу» все это. Мне не нужны для этого глаза, поэтому я их и закрываю во время игры. Их заменяет сила «кан».

Благодаря тренировкам мы можем достичь удивительных способностей и развить в себе силу «кан», которая помогает нам преодолевать трудности. Именно поэтому даже в темной комнате, где невозможно было отличить правую сторону от левой, я смог играть на скрипке. И тогда пришло решение...

Прошла обещанная неделя — у меня открылось духовное зрение

«Да, я научу маленького Теити видеть скрипку, струны и смычок. Ему не понадобятся физические глаза, если научить его пользоваться

духовным зрением», — размышлял я. Таким образом, я определил основной принцип обучения. Теперь можно подумать и о методике. Когда Танака вновь привел ко мне Теити, я сказал:

— Давайте объединим наши усилия, чтобы открыть у мальчика духовное зрение.

Я попросил родителей подготовиться к долгой и утомительной работе и решить для себя, что она должна быть доведена до самого конца. После этого начались занятия. Понимая, что все это делается для счастья их ребенка, супруги Танака с головой окунулись в работу. Трудно передать словами все трудности и препятствия, которые встретились на этом пути, но в конце концов сбылась их самая сокровенная мечта. В сердце сына заблестел лучик надежды.

Ребенок не различал, где верх и низ, где правая и левая сторона

Первое занятие состояло в том, чтобы ребенок смог «увидеть» смычок. Я вложил смычок в маленькую ручку и дал мальчику провести рукой от его основания до кончика. Он повторял это упражнение снова и снова, чтобы почувствовать смычок. Потом я научил его, как правильно его держать. «А теперь поводи смычком вверх и вниз». Но мальчик двигал рукой под наклоном. «А теперь слева направо». И снова рука двига-

лась под тем же самым наклоном. «Вот тебе задание на следующую неделю: научись двигать смычком вверх-вниз и влево-вправо». Конечно же, я сомневался, что ребенок освоит это движение за неделю, но была надежда, что для него оно будет своего рода игрой, а родители без труда смогут его проконтролировать. Через неделю он уже довольно хорошо освоил это упражнение, хотя движения были еще не совсем ровными. Следующей целью было научить его вести смычок по прямой линии.

Малыш сказал: «Да, я вижу»

— Теперь попробуй дотронуться левой рукой до кончика смычка. Бери смычок в правую руку — ты ведь видишь его?

— Да, — ответил он.

— Тогда дотронься до кончика. Не нащупывай его. Поднеси руку к концу одним движением. А теперь хватай.

Теити с интересом взялся за эту игру. Но левая рука постоянно промахивалась. Он пытался сделать это еще и еще раз, но каждый раз попытка оканчивалась неудачей, хотя кончик смычка порой был совсем рядом. Родители смотрели затаив дыхание, словно молились про себя. Наконец Теити удалось дотронуться до конца смычка рукой.

— Хорошо... Теперь это нужно будет сделать пять раз подряд. Это будет твое домашнее задание к следующему уроку.

Для слепого мальчика началась интересная жизнь. Несмотря на все его старания, лишь четыре попытки из пяти оказывались успешными. Даже если он промахивался всего один раз, все упражнение надо было начинать с самого начала. Но с каждым разом у Теити прибавлялось уверенности в себе. На вопрос: «Ты ведь видишь кончик смычка?» — он постоянно отвечал: «Да, вижу». Бы только представьте себе, что означало это слово для мальчика, который ничего не мог видеть! У меня при этом ответе порой слезы наворачивались на глаза.

Ежедневные упражнения для Теити состояли главным образом в том, чтобы удерживать смычок в определенном положении. Знать, где и в каком положении он находится, «видеть» его — это было самой важной и трудной частью обучения.

Затем последовали упражнения, состоящие в том, чтобы держать смычок перед собой горизонтально и попытаться дотронуться его концом до ладони вытянутой левой руки. Когда я играю в темноте, я совершенно определенно чувствую, где находится в каждый момент конец смычка. Теити тоже должен был развить в себе такое чув-

ство. Самая большая трудность заключалась для него в том, чтобы удерживать смычок горизонтально. Я был уверен, что стоит только добиться этого, и интуиция подскажет ему все остальное. Дотронуться кончиком смычка до ладони левой руки непросто для слепого ребенка. Но Теи-ти воспринял это как очередную увлекательную игру, и вся семья терпеливо помогала ему в этом. Когда во время урока он безошибочно выполнил это упражнение три раза подряд, а на четвертый раз смычок попал в пустоту, раздался вздох разочарования. Но я ласково подбодрил его: «На этот раз ты промахнулся. Давай начнем сначала, и ты сможешь сделать это пять раз подряд без ошибок». Чувство «кан», как и любую другую способность, невозможно развить в себе иным путем, кроме как постоянными упражнениями. Со временем Теити научился безошибочно проделывать это упражнение пять-шесть раз подряд. После этого я дал ему следующее задание: поднять вверх большой палец левой руки и попасть в него концом смычка. При этом я подумал: «Если он сможет это сделать, то станет действительно "зрячим"».

После года упорного труда пришел успех

Можете представить себе, какого труда потребовала от Теити эта не просто сложная, а

чрезвычайно сложная задача. Уже через две недели мальчик в состоянии был безошибочно выполнить это упражнение три раза из пяти. «А теперь профессор сам попробует». Мне казалось, что я смогу сделать это без всякого труда. Я сосредоточил взгляд на кончике смычка, вытянул вперед левую руку, поднял палец, нацелился смычком — и промахнулся. Еще раз — и опять ошибка. Когда мне наконец удалось попасть смычком в палец, мое сердце переполнилось уважением к маленькому слепому мальчику, который после двух недель ежедневных тренировок смог сделать то, что мне никак не удавалось с открытыми глазами. Сколько же раз ему пришлось повторить это упражнение! Но энергия и терпение родителей и Теити победили.

После того как Теити научился хорошо «видеть» смычок, началось обучение игры на скрипке. Старания Теити были вознаграждены, и уже через год он мог играть скрипичные пьесы не хуже остальных детей.

На концерте в токийском зале Хибия, где выступали все мои маленькие ученики — Йоко Аримацу, Кодзи Тойода, Такеси Кобаяси, Кендзи Кобаяси и другие, — шестилетний Теити сыграл концерт Зейтца. Слушая игру маленького слепого музыканта, многие люди в зале плакали.

Упорство и способность рожают талант.

Судьбоносная встреча с принцем Иоситикой Токугавой

Я хочу поделиться с вами небольшим эпизодом из своей жизни, который говорит о вреде хвастовства и пользе «шестого» чувства.

Мой отец, владелец скрипичной фабрики Судзуки, послал меня учиться в коммерческое училище, так как хотел, чтобы я в будущем продолжил его дело. Во время летних каникул я работал на фабрике, чтобы получить общее представление об изготовлении скрипок. После окончания школы меня включили в штат работников фабрики, и я стал трудиться в экспортном отделе, занимаясь оформлением документации на поставки. Дел было много, но я работал с удовольствием. Где-то через два года у меня каждый вечер начала подниматься температура, и врачи посоветовали мне покой. Поздней осенью я остановился на отдых в одной из гостиниц Окицу. Там я познакомился с одним постояльцем по фамилии Янагида, который был родом с Хоккайдо. Он тоже отдыхал там с женой и двумя маленькими детьми. Мы быстро подружились. Янагида сказал мне, что в свое время учился в одном классе с принцем Токугавой.

По возвращении в Нагою я неожиданно получил письмо от Янагиды, где он спрашивал, не хочу ли я присоединиться к научной экспедиции

на архипелаг Тисима, которая под руководством принца Токугавы будет проводить там биологические исследования. На островах можно было увидеть немало интересных вещей. Корабль должен был отправляться 1 августа.

Отец не возражал, и я отправился в Токио, чтобы заручиться согласием принца Токугавы. Там я впервые познакомился с ним, и эта встреча определила всю мою дальнейшую судьбу. Я тогда находился под сильным впечатлением от творчества Толстого и только начинал формировать свое новое мировоззрение. Начиная с этого момента я в течение сорока лет испытывал влияние личности Токугавы, его прогрессивных идей, философии, мыслей и поступков. Трудно переоценить значение этой встречи для моей жизни.

Это было в 1919 году. Судно «Тифу-мару» водоизмещением 1300 тонн отправилось к северным островам Тисима, неся на борту оборудование и материалы для исследований, а также 30 членов экспедиции, в число которых входили Токугава, Янагида и сотрудники биологического исследовательского института, которым руководил Токугава. В качестве гостей присутствовали сестра Токугавы Мацудаира, ее сын, известная пианистка Нобу Кода и я. Кода присоединилась к экспедиции, потому что ее брат капитан

Гундзи Тайи был первым японцем, ступившим на северные острова архипелага Тисима. Будучи первопроходцем северных территорий, он составил план заселения Сюмусю — самого северного острова архипелага. Нобу Кода хотела посетить это место, чтобы почтить память своего брата.

Даже в августе на островах Тисима было прохладно. Глубокая синева моря и голубое небо уносили мои мысли куда-то вдаль. На всех членов экспедиции произвели глубокое впечатление лежбища морских котиков, стая китов в заливе, разноцветье полевых цветов, устилавших остров. У меня навсегда остались в памяти теплые дружеские отношения всех собравшихся на борту.

Все это время я не расставался со скрипкой, она стала частью меня самого. Поскольку в кают-компании стояло пианино, я играл на скрипке, а Нобу Кода мне аккомпанировала. Мне по молодости лет и в голову не приходило, что она старше меня по возрасту и, как-никак, все-таки преподаватель музыки. Мне и теперь еще неловко вспоминать об этом.

Наше судно обошло все острова и наконец пристало к острову Сюмусю — цели нашего путешествия.

Бродя по пляжу мыса Кокутан, расположенного на северной оконечности острова, мы однажды обнаружили странное пятно на высокой

отвесной скале. Оказалось, что это был мох необычного красновато-фиолетового цвета.

— Хорошо бы добыть образец, — промолвил профессор Эмото из биологического института, жадно поглядывая вверх.

— Я достану его прямо отсюда, не обязательно карабкаться на скалу, — выпалил я и взял совок у одного из членов экспедиции.

В школе я неплохо кидал камни, охотясь за цикадами, и был даже одно время подающим в бейсбольной команде коммерческого училища. Поэтому я был довольно уверен в себе. Все принялись меня подбадривать, но все же в глубине души сомневались в успехе этого предприятия. Когда я подошел поближе к скале, то обнаружил, что мох растет значительно выше, чем я ожидал. «Вот так вляпался», — подумал я, но отступить было уже поздно. Чувствуя на себя взгляды всех собравшихся, я хорошенько прицелился и метнул совок. Послышались крики: «Здорово, превосходно!» Совок, к счастью, угодил прямо в мох, но был послан с такой силой, что воткнулся и застрял там вместо того, чтобы упасть. Я чувствовал, что теряю лицо. Как-то давным-давно я кинул камень в воробья, сидевшего на дереве, и, к своему ужасу, убил его. С тех пор я запретил себе кидать камни. Но на этот раз ситуация была безвыходной, и я взял в руку камень размером с кулак.

— Осторожнее, когда я попаду по ручке, совок упадет, — предупредил я, понимая, что несущую, но меня уже охватил азарт. Однако, как ни странно, камень попал точно в ручку совка, и он, к моему облегчению, вместе с мохом упал прямо к нашим ногам. Слушая аплодисменты, я в душе дал себе обещание никогда в жизни больше не попадать в такие глупые ситуации.

Шестое чувство тоже можно тренировать

Навыки метания камней в детстве оказались полезными на Тисиме. К моему удивлению, чувство «кан» сработало само по себе, спонтанно. Интуиция дремлет внутри рационального сознания и срабатывает, когда это необходимо. Но без тренировки интуиция (как и любая другая способность) не развивается. Существует распространенное, но ошибочное мнение, что человек уже рождается с интуицией. Однако если человек внезапно проявляет незаурядную интуицию или шестое чувство, то это означает лишь, что эти качества развивались в нем раньше, даже если он и не замечал этого, но находят свое выражение только в случае необходимости. Чтобы развить в себе силу «кан», нет другого пути, кроме тренировки. Существует очевидное различие между уровнем «кан» у человека, кото-

рый тренировал в себе эту силу с детства, и у того, кто не упражнялся в этом. Если первому достаточно повторить какое-то действие пятьсот раз, чтобы добиться успеха, то второму придется проделать это пять тысяч раз с тем же результатом. Замечая это, люди полагают, что существует врожденная интуиция. Здесь легко впасть в заблуждение, если только не проследить историю развития человека с первого дня его рождения, чтобы выяснить происхождение его нынешних способностей. Поэтому очень важно поместить ребенка, начиная с колыбели, в такие условия, которые позволят ему правильно развиваться, и никогда не забывать, что если не добился успеха после пятисот повторений, то можешь добиться его после пяти тысяч.

Сила «кан» может развиваться. Я не был от природы специалистом в метании камней. Я никогда не учился специально рисованию. Уже в течение шестидесяти лет я занимаюсь писательской деятельностью. Когда я пишу или рисую, это доставляет радость не только мне, но и окружающим. И хотя мои рисунки не столь уж совершенны, я использую их в методике воспитания талантов. Кроме того, у меня есть способность только по звуку скрипки описать характер человека, его осанку, как он держит смычок и локоть. Каждый год с декабря по февраль мне присыла-

ют около полутора тысяч записей игры наших учеников из всех филиалов, чтобы отобрать по ним участников выпускного концерта. Прослушав каждую пленку, я пишу свои замечания по осанке, постановке пальцев, движению смычка и т. д. Люди удивляются, каким образом я все это «вижу». Это результат тридцатилетней тренировки моего шестого чувства.

Обострение болезни

Ближе к концу 1945 года я решил переехать из Кисо-Фукусимы в Мацумото, чтобы начать программу воспитания талантов в местной музыкальной школе.

Хотя война и закончилась, Япония была ослаблена и разорена. Банковские счета заморозили, и люди могли снять с них только ничтожную часть своих сбережений. Когда жене наконец удалось приехать ко мне в Мацумото, проведя девять ужасных часов на ногах в переполненном прокуренном поезде, она рассказала, что ей очень повезло. Совершенно случайно она получила работу в американском Красном Кресте в Йокогаме, где размещалась штаб-квартира оккупационных войск. Мне не хотелось, чтобы она работала, так как это означало продолжение нашей разлуки, но в тех обстоятельствах другого выхода не было.

Еще с двадцатилетнего возраста у меня был слабый желудок, а к концу войны состояние здоровья стало совсем плохим. Я снимал комнату в пригороде Мацумото — Асаме и жил там один. Приготовление еды для себя я всегда считал скучным и надоедливым занятием. В результате я совсем запустил свое здоровье. Даже сейчас, если мне не напомнить, что пора есть, я могу за целый день не взять ни куска в рот. К счастью, жена следит за тем, чтобы я питался как следует. А в то время, когда ее не было со мной, я просто готовил себе полную кастрюлю супа, а потом делал рисовые клецки (о-моти) и варил их в супе. Этим я и питался целыми днями до тех пор, пока здоровье совсем не ухудшилось. В конце концов в полном отчаянии я вызвал к себе сестру из Кисо-Фукусимы.

Когда жена во время одного из очередных приездов увидела меня в таком состоянии, то настолько расстроилась, что хотела немедленно бросить работу и остаться, но сестра обещала побыть со мной и приглядеть за моим здоровьем. Она упросила жену продолжить работу в Красном Кресте, так как иначе мы все просто умерли бы с голоду, ведь Вальтрауд была единственной в семье, кто зарабатывал хоть какие-то деньги. Она скрепя сердце согласилась, но настояла на том, что будет приезжать при первой возможно-

сти, хотя каждая такая поездка отнимала массу сил и времени.

Врачи не нашли у меня ни рака, ни язвы и сказали, что это всего лишь тяжелый случай атонии желудка. Помимо острых болей, это заболевание сопровождалось еще и потерей как физического, так и духовного восприятия.

В конце концов наступил холодный зимний день, когда боль стала совершенно невыносимой. Совершенно не помня себя, я выполз из-под одеяла, накрывавшего «котацу» (жаровню с углями), отошел в угол комнаты, прислонился лбом к стене и только беспрерывно стонал от боли. Сестра перепугалась, увидев меня в таком состоянии, и просто не знала, что делать. Врачи уложили меня в постель и запретили вставать.

Однажды Мисако Койке, преподаватель по классу фортепьяно из музыкальной школы Мацумото, зашла навестить меня. Мое состояние настолько поразило ее, что она срочно связалась со специалистом по китайской медицине госпожой Уехара. «Еще бы десять дней, и было бы поздно, — заявила та, осмотрев меня. — К счастью, речь идет только о желудке и кишечнике, все остальное в порядке... Хорошо, я возьмусь за лечение немедленно».

Благополучное выздоровление

Вопреки предписаниям врачей, которые настаивали на том, чтобы я ел только рисовую кашу и суп, Уехара прописала мне приготовленный на пару неочищенный рис и соленые овощи. Хотя меня это и удивило, я поверил ей и ее методу лечения, поскольку все равно находился на пороге смерти. Спустя неделю я начал вставать, а не более чем через месяц уже стал понемногу выходить на улицу.

Таким образом, познакомив меня с замечательным врачом, Мисако Койке спасла меня от смерти, я жив до сих пор и рассказываю вам эту историю.

Еще до полного выздоровления я вновь связался с принцем Токугавой, благодаря которому я из фабричного клерка стал музыкантом. Пока я приходил в себя, мне удалось изобрести новую систему арифметических подсчетов, включавшую в себя не только умножение, но и деление, сложение и вычитание. Я решил: «Если я правлюсь, то это изобретение войдет в мою программу воспитания талантов». Начальная школа Хонго в 50-е годы провела эксперимент с моей арифметической системой, и она после одобрения Министерства образования входит сейчас в программу обучения многих начальных школ в Японии.

Когда-нибудь принцип воспитания талантов, основанный на процессе освоения ребенком родного языка, изменит всю систему образования. Ни один ребенок не останется в стороне от нее. Эта система, основанная на любви, будет воспитывать в детях стремление к истине, радость и красоту как неотъемлемые качества их характера. Даже если она не даст никаких других результатов, то достаточно и того, что после девяти лет школьного обучения дети будут добрее и бережнее относиться друг к другу.

Таким образом, этот период выздоровления не только продлил мою жизнь. С ним связаны и многие другие события, которые нельзя назвать иначе как судьбой.

Мой отец Масакити Судзуки и его скрипки

Я родился в Нагое в 1898 году в семье Масакити Судзуки, основателя крупнейшей скрипичной фабрики в мире. Мы не выбираем себе родителей, это не зависит от нашего желания и находится в Божьих руках. Мы не можем сказать: «Пожалуй, я выберу себе другую семью, мне там лучше». Нам приходится жить с этим, такова уж судьба.

Еще начиная со времен моего прадеда, вся семья Судзуки занималась изготовлением сами-

сенов (японских национальных трехструнных инструментов, похожих на банджо). Это был побочный заработок обедневшего самурайского рода. Мой отец родился в 1859 году, в конце эпохи Токугава, и, прежде чем переехать в Эдо (ныне Токио), чтобы стать там учителем английского языка, он тоже помогал семье изготавливать самисены. Уже одно то, что в начале эпохи Мэйдзи отец решил преподавать английский язык, показывает, что он был человеком довольно прогрессивных убеждений. Постепенно отец заинтересовался западными музыкальными инструментами и начал изучать скрипку, у которой, по его мнению, был общий предок с сами-сеном под названием «рубаноострон». Еще пять тысяч лет назад в Древнем Египте, где процветала богатая культура, один из таких струнных инструментов был положен в саркофаг фараона. Примерно четыреста лет назад один из христианских миссионеров играл на предшественнице скрипки — виоле — перед принцем Нобуна-га Одо в Оцу на озере Бива. Но после того как в эпоху Токугава христиане были подвергнуты гонениям и преследованиям, звуки скрипки не были слышны в Японии вплоть до начала эпохи Мэйдзи. Люди полюбили скрипку, и она вскоре стала использоваться повсеместно. Однако в то время, когда мой отец был еще совсем молодым,

вряд ли хотя бы у одного человека была своя собственная скрипка. Однажды ему удалось найти коллегу-учителя, у которого была скрипка, и он упросил его дать ему инструмент на ночь для изучения. Той ночью он сделал первые чертежи скрипки.

Пора поисков

В 1888 году после ряда неудач отец изготовил свою первую скрипку. Вслед за этим была основана скрипичная фабрика. Качество скрипок постоянно улучшалось. Когда дела пошли в гору, фабрика в состоянии была производить до 400 скрипок и 4000 смычков в день. На фабрике Судзуки трудились 1100 рабочих, в то время как на крупнейшей аналогичной фабрике в Германии в Маркнойкирхене работало всего 200 человек. Мой отец никогда специально не изучал механику, но разработал ряд станков и приспособлений для изготовления скрипок. Он продолжал свои исследования всю жизнь, и закончились они только с его смертью в возрасте восьмидесяти шести лет. В то время он был уже обладателем двадцати одного патента.

С самого детства отец ежедневно учил меня многим вещам и в моральном, и в материальном плане. Несмотря на занятость, он находил время, чтобы учить меня жизни, как он ее понимал.

Хотя фабрика была очень крупной, в двадцатые годы дела пришли в упадок вследствие мировой депрессии. И сейчас еще в Нагое сохранился квартал, в котором три параллельные улицы — Уме-мати, Угуйсу-мати и Хаяси-мати — пересекаются улицей Судзуки-тё, ведущей прямо к скрипичной фабрике Судзуки. Весь этот квартал был заложен моим отцом. В то время фабрика владела обширными землями и недвижимостью, но все это постепенно пришлось распродать ввиду финансовых затруднений.

Пожертвования на нужды рабочих

«Я несу ответственность за все. В конце концов, фабрика и все, что я имею, было создано трудом моих рабочих. Я не уволю ни одного человека до тех пор, пока у меня есть хоть что-нибудь. Это мой долг перед ними». Так говорил мой отец. В итоге нам пришлось продать даже дом, в котором мы жили, и распрощаться со многими рабочими. Оставшиеся продолжали трудиться на фабрике, которая значительно уменьшилась в размерах.

Тем, кто знал фабрику по прежним временам, новая могла показаться неказистой и бедной. Но для моего отца цель предпринимательства заключалась не только в деньгах. Для него это была возможность воплотить в жизнь свои

высокие жизненные принципы. Тот факт, что после войны фабрика вновь возродилась, должен быть поставлен в заслугу отцу, оставившему после себя в наследство честное и порядочное отношение к делу.

Я любил рыбалку и часто ходил на реку ловить карасей. Но, проведя день за этим развлечением, я всегда выпускал пойманную рыбу в воду и благодарил ее за доставленное мне удовольствие. Я никогда не придерживался той материалистической точки зрения, что не имеет смысла заниматься каким-то делом, не приносящим немедленной пользы или прибыли. Я мечтаю о достойном будущем для всего человечества и буду стараться претворить эти мечты в жизнь, двигаясь вперед постепенно, шаг за шагом. Таким путем можно достичь практически всего, и эту уверенность в своих силах помог мне воспитать в себе отец.

Незаслуженные льготы пользы не принесут

От человека не зависит, в какой семье он родился — богатой или бедной. Это определяет судьба. Еще учась в начальной школе, я любил бывать на скрипичной фабрике и играть там, прислушиваясь к разговорам рабочих. Когда я перешел в старшие классы, отец заставлял меня

работать на фабрике во время каникул, и мне никогда не забыть, с каким удовольствием я там трудился.

Однако я вырос, не задумываясь о том, какую ценность имеют деньги. Возможно, именно поэтому, даже истратив последнюю мелкую монетку, я никогда не чувствовал себя бедным. Бывали времена, когда мы всей семьей едва могли наскрести несколько йен, но я, тем не менее, возвращался домой на такси, за что выслушивал упреки домочадцев. Меня никогда не беспокоило большое пятно на потолке моего кабинета, которое образовалось из-за прохудившейся крыши. И как бы я ни бедствовал, я не чувствовал себя бедняком.

Студенческие годы я провел в Германии, где после Первой мировой войны свирепствовала инфляция, которая в итоге привела к возвышению Гитлера и ко Второй мировой войне. Берлин был переполнен местными и приезжими авантюристами. Они неоднократно обращались ко мне с предложениями вроде: «Здесь неподалеку продается пятиэтажный дом. Вы можете приобрести его всего за 10 тысяч йен...» Я всегда отказывался, ссылаясь на то, что приехал в Германию не для того, чтобы делать деньги. Но однажды какая-то пожилая женщина предложила мне скрипку работы Гварнери всего за 2000 йен. Это была

неслыханная удача! Однако пользы такие «удачи» все равно не приносят. На мой взгляд, независимо от времени или места незаслуженные преимущества ведут только к беде.

Лучше отдай деньги, но не давай их в долг

Однажды университетский профессор, помогавший мне во всяких жизненных мелочах, обратился ко мне с просьбой: «Нам с женой надо срочно поехать домой, а у нас не хватает денег на билет. Мне неудобно просить вас, но...» В то время поездка за океан на двоих стоила около 2000 йен, и еще около 500 требовалось на непредвиденные дорожные расходы. Я сказал, что с удовольствием дам им деньги в долг, а вернуть их они могут моему отцу, когда приедут в Нагую.

После того как профессор с женой отправились в плавание, я написал отцу письмо, в котором сообщил об этой ситуации. Его ответ меня просто потряс: «Деньги были даны тебе на учебу, и я просто шокирован, что ты посмел дать их в долг. В будущем никогда не смей ни занимать денег, ни одалживать. Если у тебя завелись лишние деньги, лучше поделись ими с друзьями».

Давая лишние деньги в долг и считая, что это нормальное явление, я проявил юношескую незрелость. Получив такой суровый нагоняй от

отца, я решил больше никогда так не поступать. С тех пор я жил всегда по определенной схеме: каждый месяц я решал, сколько денег мне нужно на жизнь, и откладывал их, чтобы не израсходовать на другие цели; все, что оставалось, я тратил на себя и друзей. Очень много ненужных сложностей возникает из-за денег, но внушения отца уберегли меня от них. Кому-то мой метод может показаться смешным, но он дал мне возможность даже в самые трудные времена всегда обходиться собственными средствами, не прибегая к помощи друзей и не попадая в неприятные ситуации.

Еще одна вещь, которой научил меня отец, — это умение слушать других людей и учиться у них. В те дни большинство путешествий совершалось на поездах, и отец всегда учил меня, что надо ценить возможность контактов, которые завязываются во время путешествий. Ведь люди, которые случайно оказались рядом с нами в поезде или самолете, посланы нам судьбой. Поэтому их прежде всего надо поприветствовать, из чего может возникнуть беседа. Необходимо уметь слушать людей: они живут совсем другой жизнью и могут знать нечто такое, чего ты не знаешь. Вместо того чтобы говорить самому, умей разговорить окружающих. Учись радоваться, слушая собеседника. В этом случае и он с

радостью расскажет тебе все, что знает. Кстати, приветствия — о чем я буду говорить ниже — это важная часть нашей жизни. Мой отец считал, что надо всегда здороваться, встречаясь с людьми, независимо от того, знакомы они тебе или нет. Подобные поучения заложили основы моих собственных мыслей и поведения, направленных на установление с окружающими людьми отношений, наполненных добротой, любовью и гармонией.

Выражай благодарность, а не проси о благах

Однажды ко мне в гости пришел знакомый иностранный священник и в беседе сказал:

— Вам стоило бы почаще приходить в церковь и усердней молиться, чтобы заслужить царство небесное.

— Нет, отец мой, я уже не настолько самонадеян и наивен, чтобы просить для себя о царствии небесном, — возразил я ему.

Я не говорю, что мне не хотелось бы попасть на небеса. Просто я абсолютно убежден, что все в этом мире в руках Господа. Понимать это меня научила музыка Моцарта. Даже если я буду делать все, что в моих силах, мне не пристало жаловаться на судьбу, если я вдруг вместо рая попаду в ад. Я с радостью покорюсь судьбе. Я буду

помогать церкви, чем могу, но я не хочу просить ничего взамен. Я могу только сказать спасибо за все, что уже получил.

Именно этому учил меня и мой отец.

Во время учебы в школе был такой период, когда мы с четырьмя соседскими мальчишками каждый вечер навещали наш местный храм. По пути туда и обратно мы разговаривали о разных вещах. В этом не было ничего необычного — просто одна из приятных ежедневных обязанностей. Однажды отец спросил меня:

— А о чем вы говорите, когда приходите в храм?

Я ответил, что прошу милости для всей нашей семьи, но отец оборвал меня:

— Не будь таким эгоистом. Приходя в храм, говори только одно: «Большое спасибо за все!»

С тех пор, заходя в любое святое место, я произношу только эти слова: «Большое спасибо за все». Неправильно подавать медяки в виде милости и взамен просить для себя значительно больших благ. Я понял, чему хотел научить меня отец. Хотя любой человек склонен всегда ожидать чего-то от жизни, это неправильный подход. В то время мне было семнадцать лет. Это был переломный и очень памятный возраст в моей жизни. К этому времени все, что случалось с нами до сих пор, уже начинает формировать основу для

дальнейшей судьбы. Разумеется, с каждым 110 может произойти что-то непредвиденное, например несчастный случай или ранняя смерть. Никто не знает, что уготовано для него судьбой. Но я верю, что все это происходит по воле «свыше», и мы ничего не добьемся своими хлопотами и суетой. Надо просто надеяться и жить так, насколько позволяют собственные способности.

Мое знакомство с Толстым

Да, в семнадцать лет была заложена основа всей моей дальнейшей жизни. В определенном смысле можно даже сказать, что я родился в этот год и стал человеком. Годом раньше я окончил коммерческое училище. О том, что случилось со мной в то время, я уже много раз рассказывал и писал, но если я сейчас умолчу об этом, то не смогу объяснить свою философию. Поэтому я повторю эту историю еще раз.

Однажды, как обычно, я пришел к отцу на скрипичную фабрику и заглянул в один из кабинетов. Там стояла английская пишущая машинка. Для меня она тогда была в новинку, и я стал с любопытством нажимать на клавиши. В это время в кабинет вошел начальник экспортного отдела и сделал мне замечание:

— Синити-сан, нельзя печатать на машинке, не вложив в нее бумагу.

— Но я ведь нажимаю клавиши не полностью, — неизвестно почему соврал я.

— Я вижу, — сухо ответил он и вышел. Как только он скрылся из виду, меня охватила злость к самому себе и раскаяние. «Трус, — подумал я. — Почему ты соврал, вместо того чтобы просто извиниться?» Не в силах справиться со своими эмоциями, я отправился домой. Но и дома мне не сиделось. Я вышел на улицу Хирокодзи. Мне нужно было что-то сделать, чтобы избавиться от самобичевания. Я зашел в книжную лавку и огляделся по сторонам в поисках какой-нибудь книги. Судьба дала мне в руки томик Толстого.

«Голос совести — голос Бога» •

Это было тоненькое издание дневников Толстого. Я случайно взял его с полки и раскрыл в первом попавшемся месте. Мой взгляд упал на строчку: «Предавать себя хуже, чем предавать других». Эти резкие слова потрясли меня до глубины души. Это был самый настоящий шок. Я задрожал и едва мог совладать с собой. Купив книжку, я помчался домой. Я буквально проглотил ее одним махом, а потом неоднократно читал и перечитывал до тех пор, пока она совсем не развалилась. Какой же замечательный человек этот Толстой! Преклонение перед ним заставляло меня находить себя в каждом из его произведе-

дений. Толстой дал моей душе пищу. Его дневники постоянно находились со мной. Куда бы я ни отправлялся, я брал с собой книгу. Спустя несколько лет, когда мне уже исполнилось двадцать три года и я отправился на учебу в Германию, я положил книгу к себе в карман. Толстой сказал, что нельзя предавать себя и что голос совести — это голос Бога. Я старался жить в соответствии с этими принципами.

Работа, чтение и игра с детьми

Свои школьные задания я выполнял лишь настолько, чтобы не провалиться на экзаменах. Меня влекли к себе книги, в которых авторы искали смысл жизни, такие как эссе Бэкона или труды западных философов. А все началось, пожалуй, с Толстого. Я прилежно изучал высказывания священника Догена в сборнике под названием «Сюсёги», который начинается словами: «Великий Будда Карма освещает жизнь и смерть. Если Будда присутствует в жизни и в смерти, то ни жизни, ни смерти не существует...» Я проводил почти все свое время, читая такие книги и работая на фабрике. Моим любимым развлечением были игры с соседскими детьми.

Значительно позднее я переключился с «совести» Толстого на тему, которую проводит в своей музыке Моцарт. Это вера в жизненную силу

как таковую, которая составляет основу человеческого существования. Однако я чувствую, что основы всех моих мыслей были заложены еще в семнадцать лет. В то время меня захватил образ маленьких и подрастающих детей как сущность радости жизни. Именно отсюда все и началось.

Истоки методики воспитания талантов

В те дни я много играл с детьми. Соседские детишки сбегались, едва завидев издали, как я возвращаюсь с работы. Они брали меня за руки и шли вместе со мной домой, где мы устраивали радостные игры с моими младшими братьями и сестрами. Я просто любил детей. Кроме того, меня вдохновлял Толстой. Я понял всю прелесть детей в возрасте четырех-пяти лет и хотел быть похожим на них.

Они не допускают даже мысли о том, чтобы предать себя.

Они доверяют людям и ни капли не сомневаются в них.

Они умеют только любить и еще ничего не знают о ненависти.

Они любят справедливость и досконально выполняют все правила.

Они радуются жизни, и вся их жизнь наполнена радостью.

Они не знают страха и живут с ощущением безопасности.

Я играл с детьми и учился у них. Мне всегда хотелось обладать детским смирением. Во мне происходила настоящая революция. Именно тогда во мне зародилось семя воспитания талантов, которое впоследствии стало делом всей моей жизни.

Многие из этих милых детишек вырастут, и, возможно, в их жизни появятся подозрения, предательство, нечестность, несправедливость, ненависть, страдание и горе. Почему? Почему нельзя воспитать их так, чтобы они сохранили красоту своей души? Видимо, что-то не так с образованием и воспитанием. Именно тогда я начал задумываться над этим.

Ведущий принцип

Девизом моей альма-матер — коммерческого училища в Нагое — были слова: «Сначала характер, потом способности». Табличка с этим изречением висела в лекционном зале. Этот принцип записан в моем сердце и освещает весь мой жизненный путь. Ученые, артисты, бизнесмены, политики смогут добиться успеха, лишь став настоящими людьми, выработав в себе личность и характер. На протяжении четырех лет, с первого и до последнего дня обучения, я был старостой группы. Как уже было сказано выше, учился я

не слишком прилежно, и оценки были не самыми лучшими, но я любил и уважал всех в своей группе и пользовался взаимной любовью. Меня и выбирали, пожалуй, потому, что знали мою обязательность и стремление сделать что-то хорошее для окружающих.

Во время выпускных экзаменов один из студентов, назовем его «А», решил списать у другого студента — «Б». Тот заметил это и во всеулышание заявил об этом учителю. «А» с позором выгнали из аудитории. Но как только экзамен закончился и студенты вышли в коридор, на доносчика «Б», который был крепким парнем, налетел студент «В» и ударил его. Остальные присоединились и задали «Б» хорошую трепку. Я был в то время еще в аудитории. Все произошло буквально за несколько секунд. Спустя некоторое время меня как старосту группы вызвало руководство факультета.

— Что означает эта безобразная драка? Вы при этом присутствовали?

— Да. Я тоже бил его.

— Что? Кто еще его бил?

— Вся группа.

— И вы считаете, что поступили правильно?

— Нет. Я считаю, что списывать нехорошо, но выдавать товарища еще хуже. Пожалуйста, накажите нас.

Все училище вышло на забастовку

Вернувшись в аудиторию, я сообщил студентам о том, что сказал учителям, и предложил: «То, что мы сделали, мы сделали ради дружбы. Если вы все согласны, то я скажу, что это было наше общее решение. И давайте мы все завалим в этом году экзамены».

Даже те, кто не принимал участия в потасовке, проголосовали за это, и все согласились остаться на пятый год. Потом каждого студента по очереди вызывали к руководству факультета и допрашивали. На следующий день, придя в училище, мы увидели на доске объявление, в котором сообщалось, что двадцать студентов наказаны, причем десять человек исключены (моя фамилия возглавляла этот список), а остальные десять получают выговор. Хотя к тому времени начальство, очевидно, уже знало, что я не принимал участия в драке, но поскольку я был старостой, тут уже ничего нельзя было поделать. Остальные девять исключенных были заядлыми драчунами.

Конечно, кто-то говорил, что наказание несправедливое, кто-то удивлялся, что его не исключили, хотя он тоже принимал участие в драке. Слухи об этом быстро разошлись по всему училищу, и на следующий день ни один человек на занятия не вышел. Это была забастовка солидарности.

Так продолжалось целую неделю, а потом каждый студент получил извещение с требованием явиться в училище. Все семьсот студентов собрались в аудитории, и директор училища Йосики Нисимура, автор девиза «Сначала характер, потом способности», выступил перед нами со слезами на глазах. В заключение своей речи он сказал, что все случившееся будет забыто и что всем будет дана возможность пересдать экзамен.

Обычно каждый год не менее двух-трех человек проваливались на экзаменах, но, хотя мы были не самой лучшей группой, экзамены сдали абсолютно все. Это был 1916 год.

Зло должно быть наказано

В тот вечер, когда произошли эти события, я все рассказал отцу и, опустив голову, спросил его, сможет ли он заплатить еще за один год моего пребывания в училище, поскольку мне придется остаться на второй год. Он улыбнулся и сказал: «Ну что ж, ничего не поделаешь». Это была очень мудрая и понимающая улыбка.

Я думаю, что вся проблема решилась уже в тот момент, когда я держал ответ перед руководством факультета. Я признал, что мы были не правы, выразил свою точку зрения и попросил, чтобы нас наказали. Во мне говорили чувства истинной дружбы и любви, то есть те качества,

которые я почерпнул у Толстого. Я испытывал любовь ко всему живому, даже к самому маленькому насекомому. По дороге из училища домой мне приходилось идти полем на окраине Нагой. На тропинке, по которой я шел, постоянно суе-тилось множество муравьев — и больших, и маленьких. Я помню, что мне приходилось идти очень осторожно, чтобы не наступить на них. При одной только мысли о том, что мое малейшее движение может навсегда лишить жизни одно из этих крошечных созданий, мне приходилось сдерживать шаг. Это чувство пробудилось во мне уже в раннем подростковом возрасте. Примерно в том же возрасте я впервые услышал пластинку с записью «Аве Марии» в исполнении Эльмана, и звуки скрипки меня буквально заво-рожили.

Игра Эльмана перевернула мне душу

Я вырос на скрипичной фабрике, и каждый раз, устраивая детскую возню с братьями и сестрами, мы лупили друг друга скрипками — в то время они были для нас не более чем игрушками.

Когда я уже ходил в начальную школу, работа на фабрике шла и в ночную смену. В это время пятьдесят или шестьдесят рабочих полировали верхние и нижние деки скрипок. Шла Русско-японская война 1904-1905 годов. У каждого рабо-

чего над головой висела керосинка, освещавшая рабочее место. Вечером после ужина я заходил в мастерскую и слушал затаив дыхание истории, которые рассказывали рабочие, чьи имена я помню до сих пор. Среди них были прекрасные рассказчики. Они рассказывали о подвигах Ивами Дзютаро и Кимуры Сигенари. У меня до сих пор стоит перед глазами эта картина, как рабочие в свете керосиновых ламп рассказывают что-то, не прерывая своего труда, а я, маленький мальчик, замороженно их слушаю. Подходя к самому интересному месту истории, рассказчик обычно говорил: «А неплохо бы сейчас и рисового пирога отведать». Боясь, что он потеряет нить рассказа, я стремглав мчался домой, который находился совсем рядом с мастерской, хватал несколько кусков пирога из бочонка, стоявшего на кухне, и бегом возвращался обратно. Рассказчик подогревал пирог на жаровне и продолжал свою удивительную историю.

Учась в коммерческом училище, во время летних каникул я работал на фабрике. Я узнал все о том, как делаются скрипки, как работают станки, как покрываются лаком готовые инструменты. Много я умел уже делать своими руками, и это доставляло мне огромную радость.

Еще во время учебы в училище у нас появился первый граммофон — не электрический, как

в более поздние времена, а с заводной ручкой и большим раструбом. Раструб был такой большой, что я без труда мог засунуть в него голову. Первой пластинкой, которую я услышал, была «Аве Мария» Шуберта в исполнении Миши Эльмана. Бархатистая нежность звуков его скрипки буквально потрясла меня. Я чувствовал себя словно во сне. Я и подумать не мог, что скрипка, которую я считал всего лишь игрушкой, может издавать такие звуки!

«Аве Мария» открыла мне глаза на музыку. Я не понимал, почему она так трогает мою душу, но, очевидно, во мне уже тогда жила способность ощущать красоту. Избыток эмоций стал первым шагом в поисках подлинного значения искусства. С фабрики я принес домой скрипку и попытался подражать Эльману, играя менуэт Гайдна. У меня не было нот, и я просто водил смычком, стараясь играть то, что слышу. Я проводил день за днем, пытаюсь освоить эту пьесу. Техника игры, которую я освоил самостоятельно, была никудышной, но все же я осилил эту вещь.

Менуэт Гайдна стал первым музыкальным произведением, которое я сыграл. Я чувствовал необычайный душевный комфорт, играя на скрипке. Я полюбил этот инструмент и музыку в целом.

Подъем в пять часов — пятьдесят лет подряд

Ворота на скрипичной фабрике открывались всегда в семь часов утра. С точки зрения рабочих, не только отец, но и его дети были как бы «начальством», и нашего появления на работе ожидали не раньше девяти часов. Но в первый же день своей работы на фабрике я подумал: «А чем я отличаюсь от остальных рабочих? Почему у меня должны быть какие-то привилегии?» С чисто человеческой точки зрения мне это казалось неправильным. Раз все начинают в семь, то и я буду. Вероятно, эта мысль тоже была навеяна Толстым. Каждое утро я вставал в пять часов, будил братьев и сестер и брал их с собой на прогулку в парк Цуруми. В парке был пруд, в котором жили карпы. Они подплывали к нам, ожидая корма. Покормив рыбу, мы бежали домой, чтобы позавтракать, и я уходил на фабрику. Дорога туда из нового дома, в который мы переехали, занимала семнадцать минут. И по сей день я встаю в пять часов утра. Эту привычку я приобрел за двадцать лет работы на фабрике, и она сохранилась у меня в течение пятидесяти лет. В пять часов вечера, когда заканчивалась работа, я отправлялся домой. Меня обязательно поджидал кто-нибудь из соседских детей. Уцепившись мне за руки и за ноги, они шагали вместе со мной домой, чтобы поиграть. Я любил

скрипку, я любил свою работу, я любил разговаривать и играть с детьми. Это были счастливые дни. Вы спросите: неужели у меня действительно все было так хорошо? Я не припомню, чтобы я в те дни жаловался на жизнь.

Но я был недоволен собой. Я постоянно укорял себя и повсюду отыскивал вещи, которые можно было улучшить или усовершенствовать. У меня не было ни малейшего желания упрекать кого-то из членов семьи, которые пользовались привилегией приходить на работу попозже. Рабочие начинали рано утром, и я чувствовал, что должен поступать так же. Это был голос совести, а «голос совести — это голос Бога». Мне хотелось претворить мысли Толстого в жизнь. То ли оттого, что я старался всегда руководствоваться совестью, то ли просто от ощущения полноты жизни, но я был счастлив. Именно поэтому я с такой радостью согласился принять участие в путешествии на острова Тисима. В конце экспедиции принц Токугава сказал мне: «А почему бы вам не начать учиться музыке вместо того, чтобы работать на фабрике?» С ним согласилась и Нобу Кода. Но я тогда не воспринял этого всерьез. Я работал на фабрике, так как отец хотел, чтобы я помог ему управлять производством, и я не думал, что он изменит свои планы. Кроме того, работа доставляла мне радость.

Я не думал о том, чтобы стать профессиональным музыкантом. Хотя Эльман произвел на меня огромное впечатление, но по-настоящему меня интересовал только один вопрос: что же такое настоящее искусство? Лишь для того, чтобы выяснить это, я и играл на скрипке. Однако...

Я поселяюсь у принца Токугавы

После того как летняя экспедиция на острова Тисима завершилась, принц Токугава осенью приехал в Нагою и навестил нас. Он поинтересовался у отца, как бы тот отнесся к тому, чтобы я начал по-настоящему учиться музыке, и сказал, что Нобу Кода считает меня весьма многообещающим музыкантом. Я был уверен, что отец ответит что-нибудь вроде: «Пусть он любит музыку, но не обязательно угождать публике, чтобы ей понравиться. Если он хочет послушать музыку, то может стать преуспевающим фабрикантом и нанять людей, чтобы они пришли и сыграли для него». Именно таких взглядов придерживался в то время отец, и я был убежден, что он ни за что не согласится.

Но поскольку просил за меня сам принц Токугава, отец не мог отказать. Как я уже упоминал ранее, Токугава совершенно неожиданным образом изменил всю мою судьбу. Следующей весной, когда мне исполнился двадцать один год,

я отправился в Токио изучать азы игры на скрипке у Ко Андо, младшей сестры Нобу Коды. Мне предоставили комнату в доме принца Токугавы на улице Фудзими-тё в Адзабу. Я хотел снять себе отдельный дом, но принц очень деликатно настоял, чтобы я поселился у него, и это стало для меня большой удачей. Я еще больше сблизился с принцем. Поскольку нам приходилось вместе обедать, он рассказывал мне за столом множество интересных вещей. Помимо этого, почти каждый день в доме Токугавы собирались гости из числа его друзей, в частности физик Торахику Терада или специалист в области фонетики Котодзи Сацуда. Я был окружен весьма образованными людьми. Уверен, что принц Токугава таким образом исподволь формировал и развивал мой характер.

Разочарование от выпускного концерта академии Уэдо

Каждую неделю у меня был урок музыки с Ко Андо. Однажды она предложила, чтобы я на следующий год поступил в музыкальную академию Уэдо, так как там многому можно было научиться, и я начал готовиться к вступительным экзаменам. Когда до них оставалось совсем немного, я по предложению Ко Андо отправился послушать выпускной концерт в Уэно и был

жестоко разочарован. На следующий день я пришел к своей учительнице и сказал: «Я вчера вечером послушал выпускной концерт. Если это самое лучшее, что могут показать выпускники Уэдо, то я не хочу поступать туда. Лучше я буду учиться у вас, если позволите». После того как я слушал записи лучших мировых исполнителей, концерт выпускников академии лишил меня иллюзий и оставил в душе глубокое разочарование. Я решил, что не буду поступать туда. Ко Андо улыбнулась: «Ну что ж, если ты так решил... Но придется упорно потрудиться». И я продолжил брать у нее уроки раз в неделю. Как ни странно, но именно отказ от поступления в музыкальную академию Уэдо стал моим шагом на пути в Германию.

Моя решимость крепнет

Помимо уроков у Ко Андо, я еще занимался в частном порядке музыкальной теорией с профессором Рютаро Хиротой и акустикой с профессором Танабе. Я прожил в Токио уже почти полтора года, когда принц Токугава вдруг завел речь о кругосветном путешествии. «Судзуки, почему бы вам тоже не поучаствовать в нем, — спросил он. — Плавание займет около года, но скучать не придется, там будет много интересного». Я только начал по-настоящему учиться

играть на скрипке и подумал, что еще слишком молод для кругосветного путешествия. Так я ему и ответил. Разговор на этом закончился, и было решено, что я продолжу учебу. Однако когда я во время летних каникул приехал домой, то упомянул об этом предложении в разговоре с отцом.

Его ответ был для меня неожиданным: «Что ж, отличная идея. Если ты будешь с принцем, я не буду за тебя беспокоиться. Да и тебе не вредно будет посмотреть мир. Я мог бы выделить тебе на это 150 тысяч йен. Отправляйся, составь принцу компанию». Однако даже согласие отца не заставило меня изменить свое мнение. Я отказался. Мне не хотелось бросать только что начатую учебу.

В сентябре, когда летние каникулы уже закончились, я как-то за ужином рассказал Токугаве о реакции своего отца. Он оставил еду и с улыбкой взглянул на меня:

— Совсем неплохо, Синити. Я бы на вашем месте взял эти 150 тысяч. По пути вы можете остаться в Германии и продолжить там учебу. Отличная идея! В следующий раз, когда я буду в Нагое, то поговорю об этом с вашим отцом».

Принцу Токугаве легко удалось убедить моего отца в преимуществах этого плана. Как и ожидалось, отец сказал: «Я рад, что вы берете моего сына с собой. На те деньги, что останутся от

путешествия, он может учиться в Германии». Я знаю, что повторяю банальные вещи, но мы действительно не можем знать, что готовит судьба. Разочаровавшись весной в академии Уэно, осенью я уже плыл на борту роскошного лайнера «Хаконе-мару» в Марсель. Отец считал, что я отправился в кругосветное путешествие, а на самом деле я направлялся в Германию учиться. Шел октябрь 1920 года, и мне было двадцать два.

В то время в Германии свирепствовала жуткая инфляция. Поначалу мне давали 600 марок за 10 йен, а под конец уже 100 миллионов. Разумеется, в конечном итоге учеба обошлась мне дороже, чем 150 тысяч йен, так как я провел в Германии целых восемь лет.

Конечно же, сам я не распоряжался своей судьбой. Я чувствовал, что мною управляет нечто свыше. Меня вела по жизни глубокая привязанность ко мне принца Токугавы. Я всегда старался слушаться его и беспрекословно выполнять его просьбы и указания. А такому смирению меня научил Толстой. Поэтому именно Толстой стоит у истоков моей судьбы.

Клинглер — учитель, которого я выбрал

Недавно накануне Рождества из Германии в Мацумото пришла бандероль. Она была от профессора Клинглера, который живет в Мюнхе-

не и, несмотря на свои восемьдесят лет, все еще пишет музыку и ведет активную музыкальную жизнь. В бандероли была соната, написанная им для сольной скрипки. Воспоминания о моем глубокоуважаемом учителе вернули меня на сорок лет назад, когда я был студентом в Берлине.

В марсельском отеле я распрощался с принцем Токугавой, продолжившим свое кругосветное путешествие, и напрямик направился в Берлин с господином Флигелем, немецким инженером, с которым я подружился на борту «Хако-не-мару». Там я снял номер в отеле и три месяца подряд ежедневно ходил на концерты. Я отказался от предложения Ко Андо дать мне рекомендательное письмо для моего будущего учителя. Я слушал всех — от всемирно известных исполнителей до начинающих молодых музыкантов, так как хотел найти человека, о котором мог бы с полным правом сказать: «Я хочу, чтобы он был моим учителем». Однако прошло три месяца, а я так и не нашел его. И как раз в тот момент, когда я подумывал о том, чтобы перебраться в Вену, я попал на концерт квартета Клинглера. Меня пригласила туда госпожа Капель, дальняя родственница Флигеля. Я до сих пор мысленно слышу их игру тем вечером. Это была музыка, исполненная глубочайшей духовности. Она заорожила меня своей красотой и тронула душу. Помимо всего

Доктор Судзуки за работой

не и, несмотря на свои восемьдесят лет, все еще пишет музыку и ведет активную музыкальную жизнь. В бандероли была соната, написанная им для сольной скрипки. Воспоминания о моем глубокоуважаемом учителе вернули меня на сорок лет назад, когда я был студентом в Берлине.

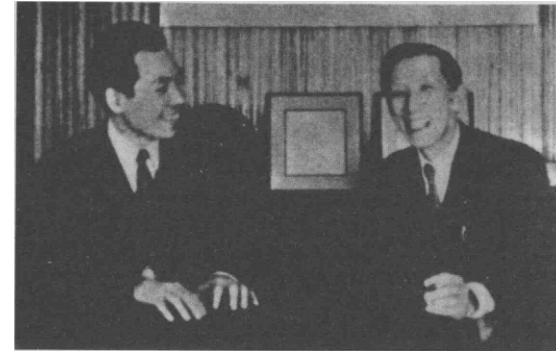
В марсельском отеле я распрощался с принцем Токугавой, продолжившим свое кругосветное путешествие, и напрямик направился в Берлин с господином Флигелем, немецким инженером, с которым я подружился на борту «Хако-не-мару». Там я снял номер в отеле и три месяца подряд ежедневно ходил на концерты. Я отказался от предложения Ко Андо дать мне рекомендательное письмо для моего будущего учителя. Я слушал всех — от всемирно известных исполнителей до начинающих молодых музыкантов, так как хотел найти человека, о котором мог бы с полным правом сказать: «Я хочу, чтобы он был моим учителем». Однако прошло три месяца, а я так и не нашел его. И как раз в тот момент, когда я подумывал о том, чтобы перебраться в Вену, я попал на концерт квартета Клингlera. Меня пригласила туда госпожа Капель, дальняя родственница Флигеля. Я до сих пор мысленно слышу их игру тем вечером. Это была музыка, исполненная глубочайшей духовности. Она заворожила меня своей красотой и тронула душу. Помимо всего

Доктор Судзуки за работой

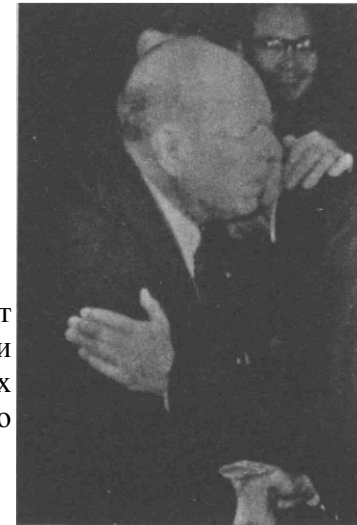
Доктор Судзуки со своими юными воспитанниками
Доктор Судзуки и его жена Вальтрауд

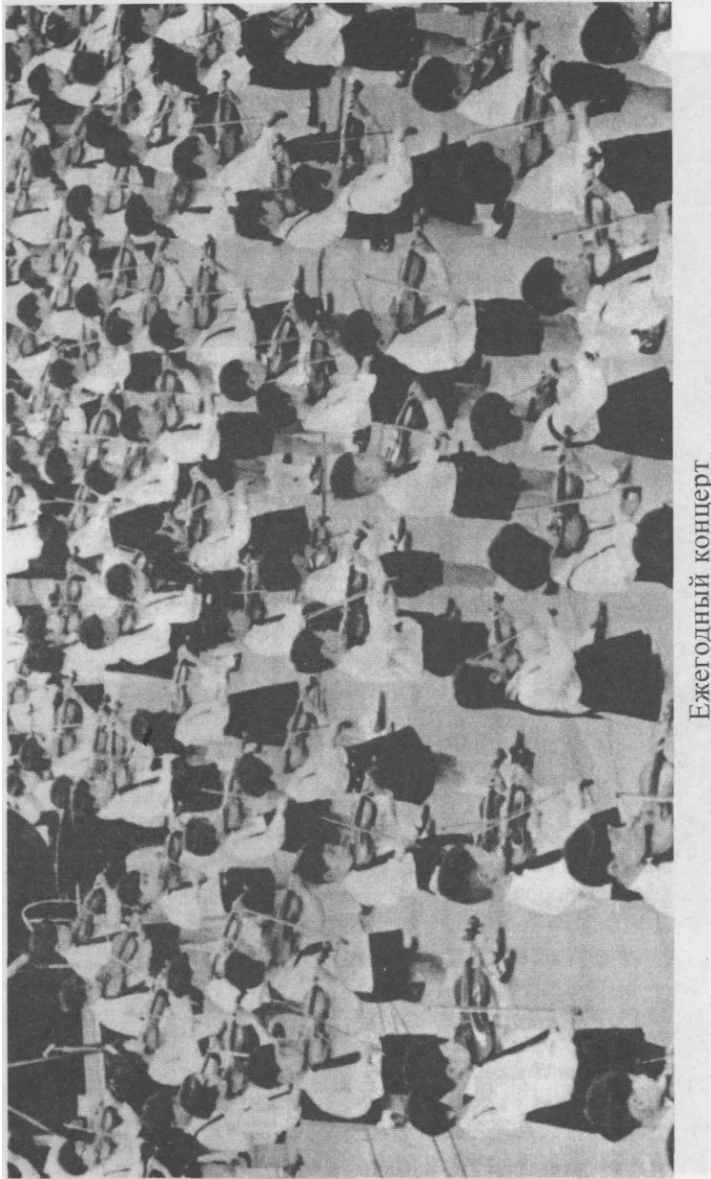
Доктор Судзуки и Кодзи Тойода
за дружеской беседой

Доктор Судзуки
даёт урок в США
Па

Казуо Кашива обнимает
доктора Судзуки
после выступления юных
музыкантов в Токио

Ежегодный концерт

прочего, меня потрясли сыгранность и техника исполнения. Я не стал дожидаться, пока кто-нибудь представит меня Клинглеру, и написал ему по-английски, так как еще не знал немецкого: «Пожалуйста, возьмите меня к себе учеником».

Еще до того как я отправил это письмо, до меня дошли известия от японских музыкантов, живущих в Германии, что у меня нет никаких шансов, поскольку Клинглер не берет частных учеников. Однако вскоре я получил от Клинглера короткий ответ: «Приезжайте». Со мной про-* изошло то же самое, что и с Кодзи Тойодой много лет спустя, который тоже, будучи молодым девятнадцатилетним человеком, на свой страх и риск обратился к Энеску и стал его учеником. С трудом отыскав дорогу к дому Клинглера среди незнакомых берлинских улиц, я навестил его, и он попросил меня сыграть концерт Роде. В одном месте я сбился, и мне пришлось повторить пассаж еще раз. «Это конец», — подумал я обреченно, но он спросил: «Когда вы придете в следующий раз?»

Человек высокой морали и смелости

Вот так я начал учиться у наставника, которого выбрал себе сам. Я был единственным частным учеником профессора Клинглера. Это

прочего, меня потрясли сыгранность и техника исполнения. Я не стал дожидаться, пока кто-нибудь представит меня Клинглеру, и написал ему по-английски, так как еще не знал немецкого: «Пожалуйста, возьмите меня к себе учеником».

Еще до того как я отправил это письмо, до меня дошли известия от японских музыкантов, живущих в Германии, что у меня нет никаких шансов, поскольку Клинглер не берет частных учеников. Однако вскоре я получил от Клинглера короткий ответ: «Приезжайте». Со мной произошло то же самое, что и с Кодзи Тойодой много лет спустя, который тоже, будучи молодым девятнадцатилетним человеком, на свой страх и риск обратился к Энеску и стал его учеником. С трудом отыскав дорогу к дому Клинглера среди незнакомых берлинских улиц, я навестил его, и он попросил меня сыграть концерт Роде. В одном месте я сбился, и мне пришлось повторить пассаж еще раз. «Это конец», — подумал я обреченно, но он спросил: «Когда вы придете в следующий раз?»

Человек высокой морали и смелости

Вот так я начал учиться у наставника, которого выбрал себе сам. Я был единственным частным учеником профессора Клинглера. Это

Ежегодный концерт

был человек примерно сорока лет, приятной наружности. Он учил меня не столько технике, сколько пониманию подлинной сути музыки. Так, например, если мы с ним работали над сонатой Генделя, то он сначала подробно объяснял, какие религиозные чувства должен был испытывать Гендель, когда писал эту сонату, а затем играл ее мне. Он искал глубинные корни композитора и его искусства и демонстрировал их мне. Работать под руководством человека таких высоких душевных качеств было для меня невероятной удачей.

Его друзьями были также замечательные люди. Он часто приглашал меня на концерты к себе домой. Невозможно даже оценить все то, чему он научил меня. Когда нацисты начали поднимать голову и Гитлер пришел к власти, я уже был в Японии, и до меня доходили вести о беспримерном мужестве профессора Клинглера. Перед главным входом в Берлинскую музыкальную академию стояла статуя великого немецкого скрипача девятнадцатого века Йозефа Иоахима, еврея по национальности. Гитлер распорядился убрать ее. Один лишь Клинглер бесстрашно встал на защиту статуи человека, который не только был его учителем, но и внес громадный вклад в сокровищницу искусства. «Я не дам разрушить ее», — заявил он. Профессора Клингле-

ра исключили из музыкальной академии. Он был поистине великим музыкантом и преподавал мне урок высокой морали.

Я учусь понимать суть искусства

Наши уроки с профессором Клинглером проходили следующим образом: я играл ему заданные пьесы, а он вносил поправки. Урок обычно длился два часа. Он всегда задавал мне сразу несколько вещей, чтобы я мог осваивать большой объем музыкального материала. Я думаю, что он специально вносил такое разнообразие, чтобы лучше исправлять мои ошибки. Клинглер никогда не жалел на меня времени. Но для меня с моей склонностью к лени такой объем был довольно утомительным. Как уже говорилось, я не питал иллюзий относительно своих способностей к исполнительской деятельности. Но я не знал, что это объясняется не отсутствием таланта, а просто неумением развить его. Нужно было всего лишь сотни раз повторять одну и ту же вещь, чтобы добиться высокой техники и качественного звучания. Однако у Клинглера я научился разбираться в сути искусства. Моим самым главным желанием было не играть, а понимать музыку. И в этом плане Клинглер научил меня очень многому. Первые четыре года мы посвятили концертам и сонатам, а последующие четыре — камерной

музыке. Именно поэтому я так полюбил камерную музыку, тем более что профессор Клинглер был признанным корифеем в этой области.

Таким образом, я занимался тем, что доставляло мне удовольствие.

Моим опекуном становится Эйнштейн

Решив обосноваться в Берлине и брать уроки у Клинглера, я снял себе квартиру у одной седовласой вдовы и ее пожилой служанки. Обе женщины были туговаты на ухо и не проявляли недовольства по поводу моих музыкальных упражнений. Помимо этой удачи, мне повезло еще и в другом. Я познакомился с профессором медицины доктором Михаэлисом и его семьей, которые были очень добры ко мне. Когда профессор бывал в Японии, мы частенько приглашали его к себе домой и очень подружились. Получив затем приглашение на работу в Америке в должности декана университета Джона Хопкинса, он сказал мне: «Я уже больше не смогу посвящать вам время, поэтому я попросил своего друга приглядеть за вами». Этим другом оказался Альберт Эйнштейн, создатель теории относительности.

Вот так, совершенно неожиданно, я познакомился и подружился с этим всемирно известным ученым и окружавшими его выдающимися людьми. Это одно из самых удивительных

происшествий в моей жизни. В дальнейшем это знакомство помогло мне создать базу методики воспитания талантов и найти в себе силы, чтобы без всяких сомнений применить ее в работе с детьми. Мое знакомство с этим великим человеком началось так.

«Все люди одинаковы, мадам»

Еще до того как доктор Михаэлис отправился в Америку, он как-то раз давал обед, за которым следовал музыкальный вечер. Хотя я был и не самым лучшим скрипачом, меня тоже попросили выступить, и я сыграл одно из самых любимых своих произведений — концерт Бруха*, над которым как раз работал вместе с Клинглером. После концерта, за чаем, одна пожилая дама, сидевшая справа от Эйнштейна, сказала: «Я просто не в состоянии понять: Судзуки вырос в Японии, в обстановке, совершенно отличной от нашей, но в его исполнении я абсолютно ясно почувствовала немецкий дух Бруха. Как такое может быть?» После короткой паузы Эйнштейн, в то время еще молодой человек, годившийся ей в сыновья, ответил спокойным тоном: «Все люди одинаковы, мадам». Я был крайне тронут его замечанием.

* Макс Брух (1838-1920), немецкий композитор, дирижер и скрипач.
Прим. перев.

Ученые-виртуозы

Эйнштейн часто приглашал меня на концерты. Он обычно звонил и говорил: «У меня есть билеты, приходите».

Его хорошим другом был скрипач Буш (1891-1952). Эйнштейн всегда высоко отзывался о нем как о человеке и музыканте. Обычно перед концертом Буша Эйнштейн договаривался со мной по телефону, на какой автобусной остановке и в какое время мы встретимся. Как я ни старался приехать пораньше, этот выдающийся ученый всегда опережал меня. Несмотря на то, что я был всего лишь юнцом, он считал, что раз уж пригласил меня, то должен относиться ко мне как к гостю. Мне в таких случаях оставалось лишь смущенно раскланиваться.

Доктор Михаэлис был блестящим пианистом. Он обычно аккомпанировал своей жене, которая обучалась вокалу в Венской музыкальной академии. Как-то раз на домашнем концерте жена шепнула ему, чтобы он играл на полтона ниже, так как она простужена. «Хорошо, дорогая», — ответил он и тут же начал аккомпанировать на полтона ниже. К тому же это была сложная пьеса Брамса, а играл он без нот. Я был просто поражен. Как и доктор Швейцер, который никак не мог решить, стать ли ему профессиональным пи-

анистом или врачом, доктор Михаэлис тоже разрывался между музыкой и медициной.

Эйнштейн был признанным виртуозом-скрипачом. Он нигде не появлялся без своей скрипки. Свои любимые вещи, например чакону Баха, он всегда исполнял с блеском, и я всегда поражался его легким и уверенным движениям пальцев. По сравнению с его игрой мое исполнение, несмотря на все старания и труды, выглядело довольно бледным.

Импровизации юного Кауфмана

Хотя ни Михаэлис, ни Эйнштейн не вели со мной долгих бесед о музыке, они постоянно демонстрировали мне, какую пользу изучение музыки может дать для личности. Но прежде чем я перейду к этой теме, мне хотелось бы рассказать об одном незабываемом событии. Однажды вечером в доме у Эйнштейна состоялся музыкальный вечер. Туда был приглашен восемнадцатилетний юноша, который учился в музыкальной академии по классу композиции (когда мне самому было восемнадцать лет, я еще только начинал учиться играть на скрипке).

— Сегодня мы послушаем импровизации Кауфмана, — объявил Эйнштейн и наиграл на пианино коротенькую музыкальную тему.

Кауфман встал и сказал:

— Я начну с ранних композиторов. Для начала — fuga в стиле Баха.

Я был поражен. Он уверенно и бегло начал играть заданную Эйнштейном тему, используя не только баховские гармонии, но и стиль, который весьма напоминал самого Баха.

Когда fuga в стиле Баха была закончена, кто-то предложил:

— А как насчет Шопена?

— Хорошо, сейчас будет в стиле Шопена, — ответил тот и начал играть ноктюрн на ту же самую тему Эйнштейна, которая звучала теперь вполне по-шопеновски, излучая изящную грусть. Затем таким же образом он обработал эту тему в стиле Брамса, Бетховена, Иоганна Штрауса и Малера. Такие вещи невозможны, если не знать в совершенстве творчество этих композиторов и их стили. Тот факт, что Кауфман импровизировал быстро и без малейших усилий, доказывал его уверенность в себе и музыкальное чутье.

Я не хочу здесь обсуждать вопрос, могли ли удивительные импровизаторские способности Кауфмана сделать из него выдающегося композитора, но меня глубоко поразило его талант и особенно то, что этот талант можно в себе развить.

Не только Эйнштейн, но и все, входившие в тесный круг его общения, были выдающимися людьми в своих сферах деятельности. Все они

любили искусство и отличались невероятной скромностью и добротой. Среди них я был начинающим студентом, не блиставшим какими-то особыми талантами, но ни разу они не дали мне этого почувствовать. Никто не относился ко мне свысока, все проявляли ко мне душевную теплоту и старались, чтобы я чувствовал себя уютно в их кругу. Я был очень тронут их постоянными усилиями вовлечь меня в беседу, чтобы мне не было скучно.

Гармония... Чтобы достичь ее, один человек постоянно должен уступать другому, и благородство его проявляется тем больше, чем чаще он уступает вместо того, чтобы вынуждать делать это других. Другим путем к гармонии не придешь. Все это я усвоил, общаясь с Эйнштейном и его друзьями, собиравшимися у него в доме, чтобы побеседовать и помузицировать.

Я бы хотел, чтобы японские дети, когда они вырастут, могли доставить себе такое же удовольствие в жизни, как эти берлинские интеллектуалы с тонкими эмоциями. Это моя мечта. Цель методики воспитания талантов состоит не в том, чтобы сделать из них профессиональных музыкантов, а в том, чтобы развить их чувства, которые они могли бы проявить в любой сфере деятельности. Замечательным примером этого являлся доктор Михаэлис. Где-то мне довелось

услышать выражение «безупречная красота математики Эйнштейна». Я уверен, что красота его концепций берет свое начало в его музыкальных способностях. Эйнштейну было шестнадцать лет, когда ему пришла в голову идея, совершившая впоследствии революцию в мире физики, и он сам говорил позднее: «Эта мысль пришла ко мне интуитивно, а движущей силой интуиции была музыка. Родители отдали меня учиться игре на скрипке, когда мне было шесть лет. Мое новое открытие стало результатом музыкального восприятия».

Таким образом, все восемь лет в Берлине я провел в обществе людей, обладавших высоким интеллектом, чутьем и добротой. На одном из таких домашних концертов я познакомился и со своей будущей женой. Мы поженились еще до того, как кончился срок моего пребывания в Германии. .. И хотя игра многих выдающихся исполнителей, которых мне довелось услышать в то время, порой приводила меня в отчаяние, заставляя усомниться в собственных способностях, она привела меня к пониманию того, что на самом деле представляет собой подлинное искусство.

Концерты, которые я посетил в Берлине, до сих пор живы в моей памяти, и воспоминания о них с годами становятся только ярче и яснее. Глазунов дирижирует Берлинским филармоническим

оркестром, исполняющим его собственные произведения. .. Скрипачка Цецилия Ханзен... Великий композитор Рихард Штраус и его непередаваемая манера дирижирования... Концерт, на котором Масканьи руководит хором из тысячи человек... Игра Бузони, вызывавшая ощущение созерцания вечерней порой прекрасных нежных белых лилий в саду. Рояль под руками Бузони в Берлинской филармонии звучал совершенно необычно — казалось, что сам Бетховен рассказывает нам о своем одиночестве... Серия воскресных концертов, на которых знаменитый Шнабель исполнял все бетховенские сонаты... Фуртвенглер, которого мне так часто доводилось слышать — он был главным дирижером Берлинского симфонического оркестра... Концерт Общества современной музыки, представлявшего слушателям образцы современного музыкального творчества всего мира. Особенное впечатление произвела на меня симфоническая поэма Шенберга «Пеллеас и Мелисанда».

Но больше всего меня захватила музыка Моцарта, которую однажды вечером в Певческой академии исполнял квартет Клинглера. Вся программа вечера состояла только из Моцарта. А когда зазвучал квинтет для кларнета (ля-мажор, оп. 581), со мной произошло то, чего никогда не случалось раньше. Я просто застыл, будучи не в силах пошевелиться.

Во власти вечной любви

Именно Моцарт научил меня истинной любви, вере, доброте и красоте. Я до сих пор чувствую, что Моцарт руководит всеми моими поступками, что он оставил мне наследство и я от его имени работаю во имя счастья детей. А все началось с квинтета Моцарта для кларнета, который исполнял квартет Клинглера.

В тот вечер я весь растворился в Моцарте и не осознавал ни окружающей обстановки, ни самого себя. После выступления я попытался аплодировать, но не чувствовал своих рук и не мог даже пошевелить ими. Пока продолжалась овация, я сидел словно в трансе. В конце концов руки вновь начали слушаться меня, но я по-прежнему сидел, глядя в пространство перед собой. Душа была переполнена неопишуемой возвышенной радостью. Мне удалось прикоснуться к духовному миру Моцарта. Впервые в жизни сквозь звуки музыки я почувствовал биение красоты человеческого духа. Во мне все горело. Я вышел за пределы своей физической оболочки. В ту ночь я не сомкнул глаз. Моцарт, этот великий человек, явил мне бессмертный свет.

Радость любви вытесняет грусть

Все это происходило в Берлине, когда мне было двадцать четыре года. Начиная с того дня

я черпаю энергию и силы у Моцарта. Теперь я — вечное дитя Моцарта и не устаю восхищаться сверхчеловеческой любовью, звучащей в его музыке. Она дает ответы на самые насущные вопросы о рождении и смерти, о счастье и одиночестве, о всепоглощающей грусти. Чувство грусти у Моцарта выражается не только в миноре, но и в мажоре, так как и жизнь, и смерть человека — неотъемлемые свойства его природы, и их неизбежность ясно просматривается в его музыке.

Всепроникающей грустью наполнены мажорные мотивы квинтета для кларнета. Позвольте привести вам начало его второй фразы:

Однако Моцарт не просто признается в том, что жизнь грустна и из этого состояния нет удовлетворительного выхода. Тут в его музыку вступает тема великой любви. Моцарт прекрасно осознает негативные стороны жизни, но отвечает на них любовью. Только так можно спастись от отчаяния и изменить ситуацию, придав ей радостную и жизнеутверждающую ноту.

Когда я слушаю Моцарта, его музыка окутывает меня большой любовью. Любовь Моцарта к

человечеству не носит религиозного подтекста, который дает надежду на счастье где-то в ином мире. Он как бы говорит: «Да, жизнь — это грустная штука. Но в ней есть любовь, и взгляните, какой красивой становится жизнь, окрашенная любовью. Давайте вместе пройдем через эту жизнь, делая ее более приятной для каждого из нас».

Эти слова Моцарта, обращенные к нам, я воспринимаю всем сердцем.

Недавно я перечитывал стихи японского поэта Иссы* и еще лучше понял мысль Моцарта. Хайку, которые Исса написал, когда ему было уже за пятьдесят, — это Моцарт чистейшей воды:

*Пусть будет, как будет,
вся моя жизнь в твоих руках.
Стою на пороге нового года. О
да, я знаю, это по мне колокол
вечерний звонит,
но в тишине прохладой дышу**.*

«В твоих руках». В этих словах, как мне кажется, раскрывается вся сущность буддизма. Я не имею в виду, что в будущей жизни уже не на что надеяться. Речь идет о том, что ни один че-

* Кобаяси Исса (1763-1827), японский поэт, писавший в жанре хайку — традиционных японских трехстиший. — *Прим. перев.* ** Перевод Т.Л. Соколовой-Делюсиной.

ловек не знает, какой будет эта будущая жизнь. Это значит, что, несмотря на грусть, любовь может сделать счастливой и нынешнюю жизнь.

Люди, полные оптимизма, счастья и радости, всегда осознают, насколько эфемерна эта жизнь и насколько бесконечно коротко их существование по сравнению со Вселенной. Но если их спросить, в чем смысл жизни, они, вероятно, ответят словами Моцарта: «Я живу в любви -со всеми. Лишь такая жизнь достойна того, чтобы прожить ее».

Матерью-природой задумано так, что мы рождаемся и в конечном итоге умираем. М? можем повлиять на эти события. Но каждый, "" ловек ответствен за то, как он живет. Таковс , кредо. И я молюсь за то, чтобы прожить (, жизнь в любви и радости. Дети — это вы} /г ние жизни в ее самой чистой форме, потому <\ они искренне стремятся жить в любви и радости. Я не могу жить без детей. Однако я люблю и взрослых людей, потому что испытываю к ним огромное сочувствие — ведь все они тоже должны будут умереть. Цель жизни людей должна состоять в том, чтобы любить и утешать ближнего. Этому учит Моцарт, и я верю в это.

В наших силах воспитать всех детей мира так, чтобы они стали немного лучше, немного счастливее. Для этого надо только приложить

усилия. Я прошу немногого — всего лишь любви и счастья для человечества, и я верю, что этого хотят все остальные люди.

Любовь дается только тому, кто сам любит. Жизнь стоит того, чтобы ее прожить, только в том случае, если мы любим и заботимся друг о друге. Я искал смысл искусства в музыке и именно через музыку нашел дело и цель своей жизни. Когда-то искусство было для меня чем-то далеким и недоступным. Я пытался раскрыть его секрет. Но, проведя восемь лет в Германии, я понял, что искусство — это совсем не то, что я себе воображал.

Подлинная суть искусства оказалась вовсе не чем-то далеким и недостижимым. Она живет в человеке, в его обычных повседневных делах, хотя бы в том, как он здоровается и беседует с людьми. Если человек хочет добиться высот в искусстве, он должен прежде всего усовершенствовать себя как личность, и тогда проявится его общечеловеческая ценность. Она будет проявляться во всем, что он делает, в том числе и в искусстве. Искусство — это выражение всей личности человека.

Как я уже говорил, с одной стороны, я постоянно слушал игру лучших исполнителей, растворяясь в Моцарте, а с другой — на меня оказывали влияние скромность, высокий интеллект и гума-

низм Эйнштейна и его друзей. Именно с их помощью я в конце концов добрался до цели своих поисков и понял суть искусства. Далее все зависело только от меня. Мне оставалось только усовершенствовать себя самого. Но почему же человека так трогает музыка? Я попытаюсь объяснить это.

У звука есть жизнь и душа

Какую ценность имеет знание само по себе?

Однажды в 1953 году мне утром позвонил знакомый журналист и сообщил, что умер Жак Тибо*. Самолет, на котором он летел, разбился в Альпах. Я был в таком шоке, что не смог связно изложить журналисту свои воспоминания об этом великом человеке. Я просто стоял молча с трубкой в руках. Мне казалось, что я потерял что-то очень дорогое и ценное для себя. После первого шока на меня нахлынули мысли, а на глаза навернулись слезы. Я никогда не был лично знаком с Тибо, но он жил в моем сердце. Мне нравилась его игра, я восхищался им как личностью. Слушая его записи в 20-е годы, я сквозь звуки музыки чувствовал его человеческую сущность. Тибо поселился в моей душе и заставил ее любить и чувствовать. Музыка... звук... Ка-

* Жак Тибо (1880-1953) — выдающийся французский скрипач. —
Прим. перев.

кие это все же странные вещи. Человек может жить в них, а не только в разуме. Именно тогда я впервые пришел к мысли, что звук живет своей жизнью и имеет свою душу.

Пятьдесят лет назад моим кредо стали слова Толстого: «Голос совести — это голос Бога», и я старался жить по совести. Теперь понятие «совесть» трансформировалось для меня в «жизнь».

Музыка как язык жизни

Человек вынужден подчиняться жизненным обстоятельствам. Но что такое жизнь? Это всегда поиски счастья. Лишь очень немногие люди живут в поисках знаний и мудрости. Детская жизнь основана на любви. Дети живут, пытаясь понять, что такое «правильно», «хорошо», «красиво». В этом, на мой взгляд, и состоит подлинная человеческая сущность, как ее описывал Будда Гаутама. Моцарт, чья музыка научила меня просто любить и радоваться жизни, наверняка тоже верил в это. А Тибо научил меня, что наша жизненная сила — это главное, что у нас есть.

Когда человечество создало речь и письменность, вместе с ними возникла и возвышенная культура музыки. Это тот же язык, но стоящий выше слов и букв. Это живое и мистическое искусство. Здесь вступают в силу эмоции. Бах, Моцарт, Бетховен — все они совершенно ощутимо

живут в своей музыке и общаются с нами, очищая и усовершенствуя нас, вызывая в нас радость и возвышенные эмоции.

Он молод, как мальчик, и мудр, как старик. Он не входит в моду и не выходит из нее. Он похоронен, но полон бодрости и жизни. Его добрая улыбка ежесекундно освещает и очищает нас...

Эти слова из поэмы пианиста Бузони посвящены Моцарту, его личности и философии, его грусти, любви и благородству природы, выраженным в музыке.

Воспитание таланта — это воспитание жизни

Природа дает каждому человеку потенциал для жизни. Эта жизненная сила стоит выше человеческого интеллекта. Если бы люди только поняли, насколько это замечательная вещь, они с большим уважением относились бы к ней и ценили ее проявления и в детях, и во взрослых, и в себе самих.

Пабло Казальс до глубины души трогает нас своей игрой, но и у него самого наворачиваются слезы на глаза, когда он слушает выступление детей. И в том и в другом случае глубочайшие эмоции вызываются величественной и прекрас-

ной симфонией жизни в ее чистейшем виде. Человеческое сердце, чувства, интеллект, поступки и даже функционирование внутренних органов и нервов — все это проявления жизненной силы. Мы не должны забывать, что человек — это воплощение жизненной силы и что именно она определяет всю его жизнь. Именно поэтому воспитание талантов должно быть направлено на высвобождение этой жизненной силы.

Воспитание, а не обучение

Почему все дети обладают прекрасной способностью без труда овладевать родной речью? В этом и таится секрет воспитания всех человеческих способностей. Школа изо всех сил пытается научить, но не добивается в этом особых успехов. Очевидно, она пользуется неправильной методикой. Мой тридцатилетний опыт убеждает меня в этом. Основной упор школа делает на информирование и инструктирование, а внутренняя жизнь и развитие ребенка при этом игнорируются. До сих пор еще не проводились детальные исследования, как приобретаются способности. Само слово «образование» тесно связано по значению с понятием «образ», то есть предполагает воспитание чего-то цельного и законченного. Но школа вкладывает в это понятие только обучение и инструктирование, забывая о его подлинном значении.

Даже в начальной школе детям всего лишь сообщают какие-то знания, информируют об определенных вещах, а потом проводят тест за тестом, чтобы выяснить, сколько из всего этого они запомнили. На основании тестов делаются далеко идущие заключения: «Ребенок обладает высокими способностями», «Ребенок нуждается в дополнительных занятиях», «Ребенок не способен к обучению».

Детей нельзя классифицировать на основании тестов. Тесты служат только для того, чтобы определить, что ребенок усвоил или не усвоил из изложенного ему материала. Все контрольные работы отвечают только на вопрос, какие проблемы ребенок не понял, то есть на самом деле по ним можно судить скорее о способностях учителя, а не ученика. К сожалению, в современной школе на основании тестов оценивается только ученик.

Ребенка посылают в школу вовсе не для того, чтобы определить уровень его способностей на основании тестов. Однако школа видит свою главную цель прежде всего в том, чтобы разложить по полочкам способности учащихся. Это совершенно неправильный подход.

На мой взгляд, школа выполнила бы свою основную задачу, даже если бы на протяжении всех лет обучения воспитывала в детях только одно главное умение. Например, если бы ребенку

Т день за днем внушали, что он должен проявлять доброту и внимание к окружающим в повседневной жизни — в школе, в общении с друзьями, в семье — насколько счастливее стало бы наше общество! Однако сегодня все воспитание сводится только к одной прописной истине: «Будь вежлив». В мире полно интеллектуалов, которые совершенно точно знают, что к людям надо относиться с обходительностью, но на деле проявляют холодный эгоизм. Была бы моя воля, я бы полностью изменил всю систему образования, чтобы она не только давала детям знания, но и «образовывала» их в полном смысле этого слова, воспитывала, раскрывала человеческий потенциал, основываясь на естественном развитии ребенка. Именно поэтому я прилагаю все силы к распространению методики воспитания талантов. Только от воспитания зависит, кем станет тот или иной ребенок. Я молюсь о том, чтобы все дети в мире стали счастливыми людьми, обладающими выдающимися способностями. И я прилагаю все свои силы, чтобы эти мечты стали явью, так как убежден, что все дети рождаются с неисчерпаемым потенциалом.

Недостаточно просто «хотеть»

К концу Второй мировой войны в Японии царил разруха. Зимы в Мацумото суровые, бы-

вают дни, когда температура падает до 13-18 градусов ниже нуля. В один из таких дней моя сестра вернулась домой и, стряхнув с себя снег, сказала:

— Такой холод, а там, на мосту Хон-мати, стоит раненый солдат и просит милостыню. Он весь уже окоченел под снегом, а ему никто не подает ни монетки. Я хотела пригласить его посидеть в тепле у нашего очага и напоить чаем.

— Только хотела? — немедленно отозвался я.

Она кивнула головой и вдруг бросилась на улицу. Я раздул угли в жаровне, чтобы согреть комнату, подогрел немного еды, которой кто-то с нами поделился, и стал ждать. Примерно через полчаса сестра вернулась, ведя с собой совершенно заснеженного раненого солдата.

— Госпожа так настаивала, — смущенно оправдывался он.

— Добро пожаловать, проходите. — Мы вместе с Кодзи усадили его поближе к жаровне и стали беседовать о разных вещах.

— Почему вы так добры ко мне? — поинтересовался солдат через некоторое время.

— Моя сестра увидела вас, и я попросил, чтобы она вас пригласила, — ответил я.

— Такое со мной в первый раз. А сегодня такой холод...

Мысли необходимо претворять в деда

Мы беседовали три часа. Солдат рассказывал нам о том, что ему довелось пережить на войне, о том, как ему приходится ходить по городу, собирая милостыню для своих раненых товарищей. Наконец он отогрелся и поднялся, сказав, что ему еще надо сегодня добраться до Нагано. У выхода, несмотря на его возражения, я сунул ему в карман немного денег, пошутив при этом, что это компенсация за то, что мы оторвали его от дел. К тому же эти деньги предназначены не ему лично, так что он не имеет права отказываться.

Позже сестра сказала мне:

— Ты преподал мне сегодня хороший урок.

Действительно, это был наш первый урок на тему: «Если ты хочешь что-то сделать, то делай». Многие люди часто думают: «Хорошо бы сделать то или это». Это случается с каждым из нас. Но обычно на этом все и заканчивается; лишь немногие умеют претворять свои желания в действительность. Я тоже не был в свое время исключением, но пришел к решению: «Нет никакой заслуги в том, чтобы только размышлять о своих делах. Результат от этого точно такой же, как если не думать о чем-либо вообще. Значение имеют только реальные поступки. Я должен приобрести привычку выполнять то, что задумал».

Почему некоторые люди только думают, но ничего не делают? Почему у них нет силы претворить в жизнь задуманное? Размышляя, но не делая, мы упускаем свой шанс. Уже в детстве нам часто приходится слышать различные указания от родителей о том, что мы должны делать. В результате в нас рождается дух противоречия, и мы при любой возможности избегаем навязанных нам действий. Эта привычка становится подсознательной, и мы в конечном итоге теряем способность немедленно приступить к делу, даже если оно нам самим кажется необходимым. Мы понимаем, что сделать это надо, но мешает привычка. За счет этого люди многое теряют в жизни.

«Нам бы надо было это сделать. Был такой хороший шанс, а мы его прозевали». Если люди не способны немедленно претворять свои планы в жизнь, они никогда не смогут достичь своей цели. Они закрывают конюшню, когда лошади уже убежали. Да, шансы время от времени появляются, но они не могут воспользоваться ими.

«Надо бы написать письмо». Если вы так подумали, немедленно садитесь и пишите. Мы ничего не делаем вовремя, а только думаем о том, что можно подождать и сделать это попозже. Даже мелкие дела надо не откладывать, а тут же выполнять. Очень важно развить в себе такую привычку. Люди, которые загружены большим

объемом работы, успешно справляются с ней, потому что развили в себе способность выполнять срочные дела сразу же по мере их возникновения. Если вы откладываете что-то на потом, вы никогда этого не сделаете, потому что потом возникнут другие дела. В конечном итоге вы так и будете сидеть сложа руки. Время не ждет, но некоторые люди очень тяжелы на подъем.

Привычка к немедленному действию — это, на мой взгляд, самое необходимое умение, которое надо развить в себе. Успех или неудача в жизни зависят только от этого. Что же можно здесь предпринять? Надо, чтобы привычка превращать мысли в поступки стала вашей второй натурой. И начинать надо прямо сегодня. Конечно, это легче сказать, чем сделать, но чем чаще вы будете так поступать, тем сильнее станет эта привычка. Если вы знаете, что надо сделать, но не делаете, то просто проявляете собственную слабость. Знание — это всего лишь знание, и его не надо путать со способностями и навыками. Есть немало людей, которые знают очень многое о бейсболе и хорошо разбираются в нем, но у зрителя никогда не будет тех навыков, умений и физической координации, как у опытного игрока.

Совершенное общество не может быть построено людьми, которые только думают о том,

как правильно исполнить ту или иную работу. Нам нужны люди с навыками опытных бейсболистов.

Как выработать в себе новые качества

Поступок неотделим от мысли. Если люди умеют правильно рассуждать, у них уже есть необходимые способности. Чем образованнее человек, тем выше его способность мыслить конструктивно. Невозможно усовершенствоваться, если вы не можете мысленно контролировать свое поведение. Утверждают, что в уме — счастье, но, к сожалению, чаще всего бывает «горе от ума». Почему? Потому что мысль без самокоррекции зачастую так и остается мыслью. Если мысль не подкрепляется делом, то человеку надоедают бесполезные размышления, и он перестает думать. Самоконтроль, не сопровождающийся изменениями в себе, подобен мысли, не подкрепленной делом. Воспитание самого себя — это исключительно трудная вещь. Если эта способность в вас не развита, то контроль над собой, который должен освещать вам путь совершенствования, теряется впустую. Мысль надо культивировать путем самокоррекции. Каким образом этого добиться? Применительно к музыке я пришел к определенным выводам. Не хочу загружать ваши головы теорией, позвольте

лишь привести вам простой пример, как я учу ребенка, лишенного музыкального слуха.

Большинство детей, которым «медведь на ухо наступил», не могут правильно спеть первые четыре ноты гаммы — до, ре, ми, фа. Когда они доходят до полутонового перехода фа, они поют эту ноту несколько выше, чем надо. То есть они уже приобрели привычку неправильно воспроизводить звук фа. Эту предварительно заложенную в них ошибку, как я выяснил, исправить невозможно. Что же тогда можно сделать? Я обнаружил, что можно научить их новому фа. Если они заучили неправильное воспроизведение фа, прослушав этот звук пять тысяч раз, то надо научить их правильному фа, заставив их прослушать его шесть или семь тысяч раз. Поначалу никакого результата не видно, но когда ребенок прослушает правильную ноту три, а затем четыре, пять и шесть тысяч раз, то правильное фа, услышанное шесть тысяч раз, начинает превалировать над неправильным, услышанным всего пять тысяч раз. У ребенка развивается новая функция. Теперь уже успех в наших руках. Точно так же, как левше легче использовать левую руку, чем правую, любой человек предпочитает делать то, что он умеет делать хорошо. Правильный звук фа становится для ребенка более привычным и естественным, и в конце концов он начинает петь

его как надо. В результате у ребенка появляется музыкальный слух. Для того чтобы переучить таким образом шестилетнего ребенка, требуется шесть-семь месяцев.

В данном случае неправильный навык заменяется на правильный. Как я уже говорил раньше, речь здесь идет не об исправлении ошибки, а о создании нового умения, которое заменяет неправильное.

Можно продолжить эту аналогию. Если вы заберете шестилетнего ребенка из родного дома, где он усвоил осакский диалект, и поселите его в то место, где говорят на токийском диалекте, то к шестнадцати годам он приобретет прекрасный токийский акцент. Здесь происходит тот же самый процесс, что и при переучивании ребенка, лишенного музыкального слуха. Мы не «исправляем» осакский диалект. Ребенок просто приобретает новый навык говорить на токийском диалекте, который закрепляется в его мозгу прочнее, чем осакский.

Давайте теперь вернемся к вопросу о претворении замыслов в действительность. Я уже упомянул о том, что перевоспитание самого себя — вещь нелегкая, даже если оно сопровождается самоконтролем. И здесь главное не исправление своих недостатков, а создание новых навыков. Как вы уже, вероятно, догадались, чтобы мысль

была продуктивной, она должна немедленно сопровождаться соответствующим действием, чтобы приобрести новую привычку, которая будет более правильной, чем сформированная ранее. Если этого не сделать, то любой самоконтроль принесет пользы не больше, чем голая мысль. О чем бы ни шла речь, прогресса можно добиться только путем приобретения новых навыков. А для этого недостаточно только думать. Навык приобретается лишь в результате постоянных повторений. Это золотое правило вы можете начать применять к себе прямо сейчас. Все, что вы хотите сделать, даже самую мелочь, надо делать немедленно. Беритесь за дело сразу же и без тени сомнений. Если это станет вашей внутренней потребностью, то невозможные вещи станут возможными и многие двери, которые раньше были для вас закрыты, откроются.

Старая поговорка «Терпение и труд все перетрут» не так проста, как кажется на первый взгляд, и не следует отмахиваться от нее под тем предлогом, что она ко мне, мол, не имеет отношения. Она касается всех нас.

Тренировка памяти необходима для воспитания таланта

Программа обучения в школе воспитания талантов отличается от программы обычного дет-

ского сада. Она направлена на то, чтобы дети выросли талантливыми. Им прививаются основные качества, которые помогут им приобрести в будущем необходимые способности. Учителя, наделенные высоким художественным чувством и добрым характером, преподают им каллиграфию, рисование, английский разговорный язык и т. д. Я очень надеюсь, что наряду со знаниями и умениями дети подсознательно смогут перенять и положительные качества личности учителей.

Просто удивительно, каких успехов добиваются дошкольники в каллиграфии при некоторой тренировке. В программу подготовки детей входит и организация выставок их рисунков и художественных надписей. Среди них встречаются очень интересные работы. Обращается внимание и на написание цифр. Их всего десять, но мы пользуемся ими на протяжении всей жизни, поэтому детей учат писать эти цифры красиво. Достижения детей просто удивительны. Их английское произношение ничем не отличается от произношения американских преподавателей. Я слушаю их с завистью. Но самое главное в программе подготовки — это развитие памяти. Способность запоминать — одно из самых главных жизненных умений, которое необходимо в себе воспитывать.

Дайсецу Судзуки в своей книге «Что такое дзэн?» пишет: «Одной из отличительных черт человеческой жизни является опыт. Опыт накапливается только в том случае, если человек способен помнить. Память — это исключительно ценная вещь. Человек может строить умозаключения и создавать новые идеи только на базе сведений, накопленных в его памяти. Лишь при наличии памяти можно говорить об опыте, а если есть опыт, то перед человеком открывается множество путей для развития. Если имеется база памяти, то присутствует и опыт, а если есть опыт, то человек обладает мышлением».

Итак, вы видите, насколько важна память. При должной тренировке она может улучшаться, а время, необходимое на запоминание тех или иных сведений, становится все короче. В конце концов вы приходите к тому, что запоминаете все с первого раза, а выучив что-то однажды, уже не забываете этого никогда. Память при правильной тренировке можно развить у каждого человека.

Хорошие успехи у одних детей в школе объясняются лишь тем, что память у них развита лучше, чем у других, а неуспеваемость вызвана, на мой взгляд, лишь тем, что у учеников недостаточно тренирована память. Главное, однако, заключается в том, что потенциал у всех детей

одинаковый. В наших начальных группах мы тренируем память, заучивая наизусть хайку Иссы.

Начиная с 1949 года наша учительница Яно постоянно совершенствует методику развития памяти. Каждый день она учит детей запоминать и рассказывать наизусть хорошо известные хайку Иссы. Наблюдая за результатами тренировки памяти на протяжении последних семнадцати лет, мы пришли к выводу, что все наши выпускники, попадая в школу, демонстрируют отличную успеваемость.

Вот как примерно осуществляется тренировка памяти по методике Яно на базе хайку Иссы.

Первая стадия — 53 хайку типа:

Тает снег.

*В небе ночном — умытая
пухленькая луна.*

Стаяли снега —

*и полна вдруг вся деревня
шумной детворой!*

Вторая стадия — 64 хайку типа:

Сегодня утром

*тихонько упал на землю
с дерева лист.*

Лист опавший поймал

*и лапкой прижал осторожно
смешной котенок...*

Третья стадия — 45 хайку типа:

*Стихи новогодние
пишет дитя, глаз не спуская с
обещанного мандарина. Вновь
прилети весной! Дом родной не
забудь,
ласточка, в дальнем пути!**

Детям, которые сначала не могли запомнить хайку даже после десяти повторений, на второй стадии требуется для этого лишь четыре повторения, а на третьей стадии они запоминают все с первого раза.

Хайку подбираются в соответствии с интересами детей в зависимости от их поэтического настроения и времени года, чтобы их легче было заучивать. В конце каждой стадии обучения дети хором читают все выученные ими хайку. После такой ежедневной тренировки дети вдруг и сами начинают сочинять собственные хайку, выражая в них все, что происходит вокруг. Вот некоторые из них, записанные мной или родителями:

*Утром я проснулся,
глядь — а в умывальнике копошится
маленькая улитка.*

* Перевод Т.Л. Соколовой-Делюсиной.

*Качусь на велосипеде,
везя с собой пышную розовую пену
вишневых цветов.*

*Как они сияют,
как сверкают в ночи,
маленькие звездочки!*

*Колокольчики звенят на ветру,
навеяв на папу
послеобеденный сон.*

*Жонкилии тянутся вверх,
становясь все выше.
Наконец-то весна!*

*По оконному стеклу в
ванной ползет
маленькая садовая улитка.*

*Мой любимый дедушка
только успел проснуться утром, и
уж трубка дымится в зубах.*

*Круглые пышные далии.
Неужели они уже больше моей головы?
Да нет, просто показалось.*

*С самого утра хлещет дождь.
Жаль, что нельзя
побегать и поиграть.*

*Смотри, с каким восторгом
воробышки глядят на
нежные цветы.*

Дети впоследствии не забывают свои приобретенные поэтические навыки. Когда они поступают в школу, их учителя сообщают мне, что дети часто приписывают к нарисованным ими рисункам маленькие хайку.

Итак, я вкратце описал вам, какие способности мы развиваем в детях помимо игры на скрипке. А теперь мне хотелось бы немного рассказать вам о нашей музыкальной подготовке.

Игра на скрипке — это прежде всего игра

В первую очередь надо учить не детей, а их родителей.

Хотя мы принимаем в нашу школу совсем маленьких детей, мы не сразу даем им в руки скрипку. Сначала мы учим маму сыграть простенькую пьесу, чтобы она могла учить ребенка в домашних условиях. Что же касается ребенка, то сначала мы даем ему послушать запись пьесы, которую собираемся разучивать. Основное место обучения ребенка — это семья. Поэтому для того, чтобы у ребенка была правильная осанка и постановка руки, необходимо сначала

научить этому родителей. От этого зависит все дальнейшее обучение. Пока кто-то из родителей не освоит простейших вещей на скрипке, дети вообще не берут инструмент в руки. Это очень важный принцип, поскольку как бы родители ни хотели, чтобы их ребенок научился играть, дети в три-четыре года такого желания не испытывают. Основной замысел заключается в том, чтобы ребенок сам сказал, глядя на родителей: «Я тоже хочу». Поэтому первая пьеса, которую ребенок сыграет, ежедневно проигрывается ему в записи, а в классе он только наблюдает, как играют на скрипке другие дети (и его мама). Тем самым для ребенка создается подходящая обстановка, а мама тем временем и в классе, и дома играет на предназначенной для него маленькой скрипке. Очень скоро это приводит к тому, что ребенок забирает скрипку у матери со словами: «Я тоже хочу поиграть». Звуки инструмента и мелодия ему уже знакомы. Поскольку он видит, как радуются другие дети, играя на скрипке, ему тоже хочется присоединиться к этому веселью. Таким образом нам удастся пробудить в нем желание.

Мы побуждаем детей играть с инструментом

Как только создалась подобная ситуация, начинается собственно обучение. Первым делом родители спрашивают ребенка:

— Ты тоже хочешь научиться играть на скрипке?

Ответ всегда бывает положительным!

— Ты будешь усердно заниматься?

— Да.

— Хорошо, мы попросим учителя, чтобы в следующий раз он тоже разрешил тебе поиграть.

Этот метод всегда приносит успех. С каким трепетом ребенок приходит на первый урок! И с какой радостью он кричит после его окончания: «Я тоже играл! Мне теперь можно играть с другими детьми». Родители, которые хорошо понимают детей, становятся для нас прекрасными помощниками. Занятия делятся на индивидуальные и групповые. В том случае, когда родители плохо разбираются в психологии детей, они полагают, что платят только за индивидуальные уроки, а групповые занятия считают отдыхом. Поэтому они строго следят за тем, чтобы ребенок посещал индивидуальные занятия и не обращают внимания на групповые. Однако на самом деле ребенку больше всего нравятся именно групповые занятия. Там у него есть возмож-

ность поиграть с детьми, которые уже чему-то научились. Это влияние имеет огромное значение для их обучения. Именно здесь и воспитывается талант.

Все начинается с игры

«Мой ребенок не любит упражняться дома», — зачастую жалуются родители. Это происходит потому, что они не хотят понять психологию ребенка, считающего, что скрипка — это игрушка. Такие родители не хотят платить деньги только за то, чтобы ребенок развлекался. Другими словами, они подходят к воспитанию с коммерческими мерками, а это сильно отвращает ребенка от обучения. Начинать любое обучение необходимо с игры, а возникающее при этом радостное настроение само поведет ребенка в нужном направлении. В этом и заключается наша методика.

Хитоми Касуя в три года играла на скрипке по три часа в день. Как можно убедить трехлетнего ребенка столько времени посвящать музыке? Мать Хитоми купила ей скрипку вместо куклы и каждый день ставила ей запись одной и той же скрипичной пьесы. Музыка была постоянным фоном повседневной жизни. Хитоми целый день могла играть со скрипкой, словно с игрушкой. Время от времени мать, следуя на-

шим инструкциям, показывала ей, как нужно правильно держать скрипку и смычок, причем все это происходило в виде игры матери и дочери. Это самый лучший способ обучения. В конечном итоге у ребенка в ходе игры вырабатываются необходимые навыки. Если же вы подходите к делу формально и внушаете ребенку, что это не игра, а серьезное занятие, у него сразу же наступает деформация сознания. Сначала надо воспитать сознание, а потом уже приступать к формированию навыков. Это совершенно естественный порядок вещей. Хитом и Касуя очень быстро освоилась с инструментом, и в 1964 году, когда ей было всего пять лет, она уже отправилась вместе с нами на гастроли в Америку.

Пять минут или три часа

Наряду с детьми, которые не любят упражняться дома, есть немало и таких, для которых упражнения на скрипке благодаря мудрому руководству родителей становятся естественной частью повседневной жизни.

Однажды в летней школе я обратил внимание на шестилетнего мальчика, который очень чисто и технично исполнял концерт Вивальди. Я спросил у матери, сколько лет он уже играет на скрипке.

— Полтора года, — ответила она.

— Очень хорошо играет! И как долго он упражняется каждый день?

— Примерно три часа.

Другого я и не ожидал. Если ребенок усердно работает, то это сказывается на его игре. Это заметно невооруженным глазом. Постоянные и длительные упражнения по нужной методике приводят к появлению способностей. Если строго придерживаться этого принципа, то необходимые навыки обязательно возникнут. При сравнении ребенка, который упражняется пять минут в день, с тем, кто работает по три часа, разница очень ощутима, даже если оба играют на скрипке каждый день. При недостаточной работе навык не формируется. Только приложенные усилия ведут к успеху. Исключений не бывает. Если ребенок, упражняющийся лишь пять минут в день, захочет повторить результат того, кто упражняется по три часа, то ему потребуется для этого девять лет. То, что один делает за три месяца, другой одолеет только за девять лет. И по-другому быть не может. Хитоми Касуя, Тосия Ето, Кодзи Тойода, Кендзи Кобаяси — все они работали не меньше трех часов в день.

Выработка способностей за счет правильных упражнений

Часто приходится слышать: «Но ведь я же учился целых пять лет». Но это ничего не значит. Все зависит от того, сколько часов вы работали каждый день. Да, вы могли потратить на какое-то дело пять лет. Но пять минут в день означает в этом случае всего лишь 150 часов. Вам следовало бы в этом случае сказать: «Я работал 150 часов, но никакого прогресса нет». В этом уже есть какой-то смысл. И нет ничего удивительного, что успех так и не пришел. Глупо жаловаться на отсутствие таланта, если вы сами положили его на верхнюю полку.

Развитие способностей идет постепенно и поступательно. В этом можно быть абсолютно уверенным. Люди в совершенстве осваивают либо правильные навыки (в этом случае мы говорим о таланте), либо неправильные и неприемлемые (это мы называем отсутствием таланта). Все зависит только от того, что мы сами выберем для себя. Чем больше мы будем тренироваться в выбранном направлении, тем лучше. Любые способности можно развить в каждом человеке при наличии двух составляющих: большой практики и практики в нужном направлении. В течение двадцати лет я лично наблюдал развитие тысяч детей и то влияние, которое оказывают на этот

процесс в положительном или отрицательном направлении родители или учителя. И я могу без тени сомнения утверждать, что все сказанное мною — истина.

Самая первая вещь, которую дети учатся играть, — это «Свети, свети, звездочка». Многократно прослушав эту запись дома, дети затем учатся играть ее сами. Когда в результате длительных упражнений дети осваивают мелодию, им говорят: «А теперь мы будем учиться играть ее красиво». Это очень важный шаг, направленный на достижение качества игры. Начинается трудная работа по совершенствованию звука, плавности движений смычка, аккуратности и точности. Вот так на основании простой пьесы развиваются музыкальные способности. И каждый без исключения ребенок в конце концов учится исполнять эту вещь в совершенстве. Постепенно улучшается качество звука, движения становятся свободными и изящными. Дети становятся музыкантами. В них зарождается талант.

Я твердо верю, что любой ребенок может достичь больших высот в музыке, и до сих пор эту мою уверенность ничто не могло поколебать. Я убежден, что так и будет, потому что в противном случае это означало бы мою личную неудачу, а терпеть неудачу — не в моих правилах.

Чтобы выяснить, насколько прочно дети усвоили навыки, я играю с ними в различные игры.

«Сколько у вас ног?»

Когда дети легко и свободно начинают исполнять вариации на тему «Свети, свети, звездочка», я говорю им: «Сейчас мы с вами сыграем. Я попрошу вас отвечать на мои вопросы, не прекращая музыки. Продолжайте играть и отвечайте мне вслух: сколько у вас ног?» Дети действительно воспринимают это как игру и радостно кричат во весь голос: «Две!» Если им удается это сделать, не нарушая ритма и мелодии, то можно считать, что навыки прочно укоренились в них и стали их второй натурой. Если среди детей попадает ребенок с недостаточно усвоенными навыками, то он либо так сосредоточивается на мелодии, что не отвечает на вопрос, либо отвечает, но прекращает при этом играть. Я задаю множество вопросов, а они отвечают, не прекращая игры, и улыбаются при этом во весь рот. Этого может добиться каждый ребенок без исключения. Ведь можем же мы выполнять различные действия, одновременно говоря по-японски, потому что язык — это наша вторая натура. То же самое и с музыкой.

Существует несколько видов тестовых игр, и я часто пользуюсь ими, чтобы проверить, какого

прогресса добились мои юные слушатели. Эти игры можно проводить в группах по десять-пятнадцать человек, а если позволяет помещение, то и с сорока, и с пятьюдесятью детьми одновременно. Одна из них состоит в том, что я с пустыми руками, без скрипки и смычка, только жестами показываю начало пьесы, а потом говорю: «Приготовились — начали». Внимательно проследив за моими движениями, дети угадывают, о какой пьесе идет речь, и играют ее. Это учит их быстроте реакции, наблюдательности и развивает интуицию.

По мере приобретения детьми все новых навыков усложняются и игры. Они предназначены не только для того, чтобы проверить их способности, но и развивают детей. Когда какой-то навык и жизненная сила интуиции прочно усваиваются и становятся второй натурой ребенка, он обнаруживает, что это помогает ему в приобретении все новых навыков в любой сфере деятельности.

Мы поражаем мир

Прошло более двадцати лет с тех пор, как была основана детская скрипичная школа воспитания талантов. Теперь в Японии дети трех-четырёх лет на маленьких скрипочках со знанием и тонким пониманием дела исполняют музыку

Баха и Моцарта. Через эту школу прошло уже более 200 тысяч детей. Ничего подобного больше нет нигде в мире. Католический священник отец Кандо, умерший в 1953 году, был настолько тронут массовым концертом, который тысяча детей давала в одном из токийских спортивных залов, что воскликнул: «На наших глазах совершилось чудо».

Сегодня люди повсюду в мире проявляют большой интерес и с удивлением наблюдают за тем, что происходит в Японии.

Подлинное детское лицо

Жорж Дюамель (1884-1966) был не только поэтом, но и драматургом, новеллистом и литературным критиком и принадлежал к ведущим литераторам Франции. В 1953 году, спустя восемь лет после начала движения воспитания талантов, он приехал в Японию и послушал выступление детей из филиала школы в Нагое под руководством профессора Нисидзаки. Услышав игру детей, Дюамель опубликовал статью под названием «Идеальное детство», в которой, в частности, писал:

Если бы меня попросили дать совет путешественникам, отправляющимся в Японию, особенно тем, кто настроен к ней критически, я бы первым делом сказал: «Отправляйтесь в Нагою». Почему? Да потому, что там я увидел удивительнейшую

вещь. После ужина в нагойском ресторане «Асахи Кайкан» мне довелось послушать игру на скрипке ансамбля из 30 детей. Когда я только увидел этих мальчиков и девочек в возрасте от 6 до 10 лет с их крошечными скрипочками, я решил, что это какая-то игра. Но они под руководством такого же юного дирижера исполнили концерт Вивальди, и исполнение было изумительным. Я был не просто тронут, я был поражен. Сказать вам по правде, я еще никогда в жизни не видел у детей такой совершенной музыкальной техники.

С невинным выражением на лицах эти детишки играли Баха, и их полифония была тонкой и точной. Пьеса была исключительно трудной, но дети исполнили ее с блеском. А потом одна девочка, очевидно самая лучшая из них, сыграла Моцарта с большим артистизмом и в прекрасном стиле. Пьеса представляет трудность даже для профессионалов, но она играла ее легко и непринужденно. Более того, в одной только Нагое несколько сотен таких скрипачей, исполняющих сложную полифоническую музыку.

Будучи представителем Западной Европы, я уже подумал было, что такая демонстрация талантов юных исполнителей является чем-то из ряда вон выходящим, но тут же вспомнил о тех глубоких традициях, которые хранятся в сердце японского народа. Эти дети, достигшие в музыке высот, которые по силам только самым одаренным детям в Европе, вовсе не чувствуют своей ущербности от того, что они — японцы и живут далеко на Востоке. С моей точки зрения, Япония — это не Дальний Восток, а Дальний Запад. Из всех народов Востока японцы могут считаться самым европейским.

Казальс заплакал

В 10 часов утра 16 апреля 1961 года, спустя восемь лет после визита Дюамеля, четыреста детей в возрасте от пяти до двенадцати лет стояли ровными рядами с маленькими скрипочками в руках на сцене токийского зала Бункьо. Они ждали прибытия одного из самых великих виолончелистов двадцатого века Пабло Казальса. Автомобиль маэстро подъехал ко входу без двух десятых. Ровно в десять Казальс с женой вошли в зал, встреченные бурными аплодисментами родителей выступавших детей и преподавателей школы воспитания талантов. Войдя и увидев четыреста детей, выстроившихся на сцене, маэстро был тронут. Он помахал детям рукой и сел. Не успел он еще занять свое место, как дети начали играть в унисон вариации на тему «Свети, свети, звездочка». В исполнении четырехсот детей это звучало очень красиво. Старый маэстро с восторгом наблюдал за этим представлением и только ахал. Но его восторг возрос еще больше, когда дети заиграли сначала концерт Вивальди, а потом концерт Баха для двух скрипок. Он начал всхлипывать, на глазах появились слезы, губы дрожали от избытка эмоций. А когда пятнадцать или шестнадцать детей, учившихся игре на виолончели под руководством ученика Казальса Йо-

сио Сато, сыграли «Лебедя» Сен-Санса и «Бурре» Баха, его восторгу не было предела.

Когда выступление закончилось, я подошел к Казальсу, чтобы поблагодарить его за приезд, но прежде чем я успел что-то сказать, он порывисто обнял меня и расплакался на моем плече.

Как часто и у меня наворачивались слезы, когда я наблюдал за этими прекрасными и непосредственными проявлениями детской жизненной силы! А теперь и семидесятипятилетний маэстро потерял дар речи, став ее свидетелем. Затем Казальс с женой вышли на сцену, погладили по головам детей, сгрудившихся вокруг. Для них на сцене поставили стулья. Гости сели, и дети преподнесли им цветы. Дрожащим от волнения голосом маэстро сказал в микрофон:

Дамы и господа. Я стал свидетелем самого волнующего события в своей жизни. То, что мы с вами увидели, намного более важно, чем может показаться на первый взгляд. Не думаю, что в какой-либо другой стране мира можно почувствовать такой же дух братства и сердечности, как здесь. Каждую секунду пребывания на японской земле я чувствовал идущее из самого сердца стремление сделать мир лучше, и это поразило меня в Японии больше всего. Стремление к достижению абсолютных высот в жизни проявляется в заботе взрослых о том, чтобы даже маленьким детям в самом начале их жизни сопутствовали благородные чувства

и благородные поступки, в том числе и такая музыка. Это не та музыка, под которую можно потанцевать и повеселиться. Вы научили их играть и понимать музыку, которая спасет мир.

Я хочу не просто поздравить учителей, но выразить им все свое восхищение и уважение. И я со всей искренностью хочу сказать вам, что японцы — великий народ. Они не только добились высочайших достижений в промышленности, науке и искусстве, но и делают это от всего сердца, а это то, в чем в первую очередь нуждается человечество.

Методика воспитания талантов распространяется в Америке

Я и сам не ожидал, что наше движение приобретет такой сенсационный размах в Америке, где оно распространяется сейчас еще в больших масштабах, чем в самой Японии. Господин Мотидзуки еще за десять лет до того, как я познакомился с ним, был японским генеральным консулом в Нью-Йорке. Там он и услышал о школе воспитания талантов. Он решил перенести этот опыт на американскую землю, о чем и сообщил мне в письме. Получив копию семиминутного фильма, снятого на выступлении наших детей в Токио, где они играли концерт Баха для двух скрипок, он с разрешения профессора Кука показал его в колледже Оберлина (штат Огайо). Этот момент стал началом распространения на-

шего движения в Америке. Первыми, кто взялся за этот проект, стали профессор Кендалл с музыкального факультета колледжа Маскингама в Огайо и профессор Клиффорд Кук из колледжа Оберлина. В 1959 году Кендалл прибыл в Японию с ознакомительной поездкой и провел в Мацумото целый месяц, после чего вернулся домой и опубликовал мою методику обучения игры на скрипке, а также прочел целый ряд лекций по всей Америке. Позднее в Японию приехал и Кук, который также объехал всю страну и провел немало времени в Мацумото, занимаясь исследовательской работой. В настоящее время большое количество детей занимаются в колледже Оберлина в рамках программы воспитания талантов. В 1961 году Мотидзуки написал мне письмо: «Теперь я приложу все усилия, чтобы вы смогли приехать в Америку».

Выступления и лекции в шестнадцати городах

В Америке бытовало мнение о том, что дети не смогут и не захотят учиться играть на скрипке до достижения ими возраста восьми-девяти лет. Можете представить себе удивление людей, когда они своими собственными глазами увидели восемьсот японских детей (среди них были и те, кому исполнилось всего три-пять лет), которые

играли сложный концерт Баха для двух скрипок. В 1965 году наше выступление было показано по европейскому телевидению. Кодзи Тойода писал мне из Берлина, что люди, видевшие выступление восьмисот детей по телевидению, «были крайне поражены и не могли поверить, что все это правда».

В 1964 году мы с девятнадцатью детьми провели турне по Америке, давая концерты и лекции. Детям было от пяти до тринадцати лет. Нас пригласили в Американскую ассоциацию преподавателей игры на струнных инструментах. Мы провели в Америке две недели, посетили университеты в шестнадцати городах и дали двадцать шесть концертов и лекций. Дети, которых я захватил с собой в поездку, были уроженцами Нагано, префектуры Айти и Токио. Они были отобраны не по музыкальным способностям, а только исходя из их возможности уехать на длительное время из дома. Я надеялся, что в ходе поездки нам удастся хотя бы немного порепетировать, но оказалось, что для этого просто не было времени. В результате детям, которые до этого вообще никогда не видели друг друга, пришлось сыграваться прямо на сцене, без единой репетиции. Каждое выступление транслировалось по телевидению. Наше американское турне стало ошеломительной сенсацией.

Первый концерт в Вашингтонском университете больше напоминал репетицию, но в ходе дальнейшей поездки выступления становились все лучше. Уже вскоре после начала концерта публика начинала доставать носовые платки, чтобы вытереть слезы на глазах. После концертов многие люди приходили за кулисы, чтобы выразить нам свою благодарность.

«Легион скрипачей»

Под этим заголовком 25 марта 1964 года журнал «Ньюсуик» напечатал статью о концертах японских детей в Америке:

Семилетняя Асако Хата за обедом засунула кубик льда за шиворот своему соседу, и весь стол разразился детским хохотом. Спустя сорок минут Асако стояла на сцене Нью-йоркской школы Джуллиарда, застенчиво кивая головой в ответ на бурю аплодисментов после исполнения сложной сонаты Верачини. Это соло стало завершением впечатляющего и невероятного концерта, в ходе которого десять японских детей от пяти до четырнадцати лет играли Баха и Вивальди, вызывая крики «браво!» даже у искушенной публики. И эти аплодисменты были вполне заслуженными, даже если в них и присутствовала какая-то доля сентиментальности (весь зал в волнении затаил дыхание, когда учитель этих детей профессор Синити Судзуки вышел на сцену, чтобы подстроить скрипку пятилетнему мальчику).

— Это невероятно, — заявил профессор по классу скрипки школы Джуллиарда Иван Галамян. — У детей прекрасная подготовка, удивительное чувство ритма и тонкое понимание музыки.

Играя без дирижера и без нот, дети стали живым подтверждением правильности необычного метода подготовки, разработанного профессором Судзуки. Он начинает учить трехлетних детей, но первые уроки игры на скрипке дает не ребенку, а его матери. Она приходит на занятия вместе с малышом и через три месяца, как правило, осваивает песенку «Свети, свети, звездочка». «К этому времени, — как объясняет сам Судзуки на смеси из немецких и английских слов, — ребенок, наблюдая за матерью, уже и сам хочет поиграть на скрипке». Только в этот момент ему вручают маленькую скрипочку. Постоянно слушая записи классической музыки и упражняясь, ребенок уже через год может сыграть простенький гавот Баха. 150 тысяч детей, обученных Судзуки за тридцать лет, вовсе не напоминают роботов. Они настолько успешно сочетают виртуозность с глубокими чувствами, что когда Пабло Казальс побывал на концерте Судзуки в Токио, он выбежал на сцену с криками «Браво!» и принялся обнимать детей.

Хотя около пяти процентов учеников Судзуки делают успешную карьеру в музыке, 65-летний профессор настаивает: «Я всего лишь хочу воспитать хороших граждан. Если ребенок с момента своего рождения слушает хорошую музыку и учится играть сам, в нем развиваются глубокие чувства, дисциплина и выносливость. Он приобретает доброе сердце». Судзуки задумчиво пере-

бирает в руках конфеты, переданные ему для его маленьких музыкантов, и добавляет: «Если вся нация сообща возьмется за воспитание детей, то, возможно, удастся избежать войны». Профессор Клиффорд Кук сказал: «То, что Судзуки сделал для детей, обеспечивает ему место среди благодетелей человечества наряду со Швейцером, Казальсом и Томом Дули».

ПОСТСКРИПТУМ

Я мечтаю о счастье для всех людей

Я испытываю глубокое уважение и дружеские чувства по отношению к любому человеку. Особенно тепло и нежно я отношусь к маленьким детям. Мое сердце переполнено желанием, чтобы все дети, родившиеся на земле, стали достойными, счастливыми и талантливыми людьми. Вся моя жизнь и все силы посвящены этой цели. На это способен каждый ребенок без исключения. В этом и состоит суть моего открытия.

Люди говорят, что я стараюсь совершить невозможное и трачу свои силы впустую. Но я знаю, что все задуманное мною возможно, и верю, что когда-нибудь человечество создаст такой мир, в котором каждому будет ясно, что у детей имеется неисчерпаемый потенциал. Именно поэтому в Организации Объединенных Наций после речи Казальса, посвященной миру во всем мире, я выступил с обращением к представителям всех народов, в котором попросил предпринять все

возможное для этого. В настоящее время я занят тем, что пытаюсь применить свою методику воспитания талантов к любому виду деятельности. Я стараюсь отыскать руководителей учебных заведений, которые готовы применить этот метод образования, обеспечивающий высокую успеваемость каждому ребенку. Кроме того, я пытаюсь предпринять что-нибудь, чтобы помочь детям с задержками умственного развития и убедить политиков формулировать национальную политику с учетом интересов детей.

Я молюсь, чтобы мои мечты стали явью

Если мир будет жить по законам, которые выдвигают на первый план интересы детей, то мои мечты не останутся просто мечтами. Эта задача исключительной важности стоит перед каждым жителем Земли.

Нужны законы, которые предусматривают обязательную заботу и обучение каждого родившегося ребенка. Это была моя самая большая мечта, когда я только начинал работу по программе воспитания талантов. Многие способные дети не имеют возможности учиться из-за нехватки денег. Но многие не получают должного образования из-за некачественной образовательной системы. Государство обязано пред-

принять все возможное, чтобы таким явлениям не было места.

Точно так же, как за каждым районом города закреплены полицейские патрули, которые несут за него ответственность, государство должно назначать ответственных лиц, которые обязаны следить за тем, чтобы каждый ребенок получал в семье должное воспитание. Государство не должно экономить на качественном обучении и воспитании дошкольников.

Я верю, что те, кто читает эту книгу, поймут, какие невероятные таланты можно развить в ребенке, если заняться его воспитанием с самого детства. Старая японская пословица утверждает: «Каков в три года, таков и в сто». При этом подразумевается, что к трем годам характер ребенка уже сформировался. Однако ребенок в три года находится еще на такой стадии развития, когда только закладывается его личность и таланты. Это именно тот критический возраст, когда можно легко нанести вред его характеру и способностям. Именно в это время нужен особенно деликатный подход к его обучению, и государство должно понимать необходимость долгосрочных проектов в этой сфере для будущего страны.

Не завтра, а сегодня, прямо сейчас

Люди сегодня напоминают мне неумелых дачников, которые грустно качают головой, глядя на загубленные посевы, и говорят, что все дело в плохих семенах. Они не понимают, что с семенами все в порядке, а вся беда в их неправильных методах выращивания растений. И они продолжают идти по своему пагубному пути, уничтожая одно растение за другим. Очень важно, чтобы человечество вырвалось из этого порочного круга. Чем скорее люди осознают свою ошибку, тем лучше. Чем скорее изменится к лучшему ситуация, тем ближе человечество подойдет ко всеобщему счастью.

Я тоже один из тех людей, чьей жизни был нанесен ущерб в результате неправильного образования и воспитания. И это могут утверждать о себе большинство людей. Я постарался исправить эту ситуацию и с молодых лет упорно трудился, чтобы усовершенствовать себя.

Я искренне верю, что читатели этой книги поймут написанное мною и осознают, что поводов для отчаяния нет. Мы все рождаемся с одинаково высоким потенциалом и при некоторых усилиях можем стать выдающимися, способными и талантливыми людьми.

Если мои слова дошли до вашего сердца, то вы не будете откладывать свои замыслы на завтра, а начнете претворять их в жизнь сегодня, прямо сейчас. В результате ваша жизнь станет счастливее. Я мечтаю о том, чтобы это сбылось с каждым человеком.

СОДЕРЖАНИЕ

Слова признательности.....	4
Предисловие.....	5
Введение.....	9
Взращенные с любовью.....	15
Постскриптум.....	185